
ФЕРЗЬ
ПРАВДА, СПОСОБНАЯ РАЗРУШИТЬ ВСЁ,
ОКАЗЫВАЕТСЯ СТРАШНЕЕ ЛЮБОЙ ВРАЖДЫ.
АЙИДА АЛИ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Айида Али
Ферзь

https://litres.ru/74733779
SelfPub; 2026

Аннотация

Фарид и Озан выросли как братья.

Пока однажды Фарид не убил отца Озана — Аяза.

Мальчик, мечтавший стать судьёй, оказался за решёткой. там он потерял прежнюю жизнь и обрёл имя, которое вскоре стало известно в криминальном мире, — Ферзь.

Озан пятнадцать лет живёт с одной лишь жаждой мести. Жаждой, которая со временем стала сильнее его самого.

спустя пятнадцать лет судьба вновь сводит двух когда-то лучших друзей. Только теперь они стоят по разные стороны — как враги.

А между ними оказывается Ада — младшая сестра Озана и дочь Аяза, человека, которого убил Фарид.

Что страшнее — месть или правда?

Решать придётся тебе.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 35
Глава 3 60
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Айида Али
Ферзь

Глава 1
Очередной ночной кошмар

Однажды мой отец сказал мне: «Если хочешь насмешить Бога, то расскажи ему о своих планах». Видимо, над моими планами Всевышний смеется по сей день. Эта история началась не с меня, не с неё, у этой истории нет ни начала, ни конца. О любви я вовсе не говорю, о ней и речи быть не может. Какая между нами может быть любовь, когда я по локоть запачкан в её же крови? Так что же нас в итоге свело? Всё просто — вражда. Нет, не та, что бывает в романтических фильмах, а та, что приводит к кровопролитию между людьми за честь, власть и выживание.

Последние пятнадцать лет мне каждую ночь снится один и тот же сон. Мне снится тот злополучный день, когда я вбежал в сад семьи Мурадхановых и обнаружил болтающееся на инжирном дереве тело моего отца. Он повесился! С того дня я ненавидел этот сад и это проклятое дерево. А ровно год спустя меня посадили за убийство главы семьи Мурадхановых. Для убийства Аяза мне хватило лишь одной пули. С

первого же выстрела я попал ему в голову, и на суде я узнал, что это был точный выстрел. В те далёкие времена беззаботного детства у меня был лучший друг Озан, с которым мы часто сбегали в охотничий дом его отца со старым ружьём моего деда и стреляли по стеклянным бутылкам из-под пива. В отличие от меня, Озану нравилось стрелять по птицам, но, к счастью, в те времена он не был метким стрелком, и ни один пернатый житель леса от него не пострадал. Особой меткостью я, как и Озан, тоже никогда не выделялся, но в тот день судьба явно была на моей стороне. Всё бы ничего в этой ситуации, но, к несчастью, мой друг Озан являлся единственным сыном того самого Мурадханова Аяза, которого я застрелил на глазах у половины жителей нашей деревни. Дружба, которая была чем-то большим, чем просто дружба, в один миг обернулась в кровную вражду. Почему я убил отца своего лучшего друга? Это очень долгая история…

В мои шестнадцать лет меня судили как совершеннолетнего, и, так как я не выказал раскаяния, мне вынесли приговор: десять лет заключения в колонии особо строгого режима. Другими словами, мне выдали билет в один конец. Естественно, этот билет достался мне не без помощи матери Аяза, Мурадхановой Сугры. Сугру на тот момент тоже можно было понять, ведь я убил её единственного сына. Помимо Аяза у неё были две младшие дочери, но в семье Мурадхановых дочь не более чем обуза, от которой чем раньше избавишься, выдав удачно замуж, тем лучше. Из десяти лет,

что мне дали, я отсидел всего семь лет. Выйдя из тюрьмы, я сразу улетел в Россию, в Москву. Причиной моей иммиграции стал Бахтияров Игбал, глава наркосиндиката. Он является королём этого бизнеса не только в Азербайджане, но и в России. Оба рынка принадлежат ему в самом прямом смысле этого слова. По иронии судьбы, он оказался моим сокамерником. У Игбала не было ни семьи, ни детей, и всю свою жизнь он посвятил этому грязному бизнесу и достижению полной власти на этом рынке белого яда. Можно сказать, это дело было его детищем. Во мне же Игбал увидел преемника, который мог в будущем занять его трон. Второй моей причиной отъезда в Москву стал мой дедушка по отцовской линии.

После моего досрочного освобождения аксакалы (старшие) моей деревни, где я родился, вырос, где мой дом, моя семья, обсудили и приняли решение, что два враждующих рода не могут жить в одной деревне. Будет лучше, если я никогда больше не вернусь в деревню, чтобы два рода — Алирзаевы и Мурадхановы — не поубивали друг друга в кровной вражде. По их мнению, моё изгнание с родной земли спасёт жизнь нам обоим: мне и Озану. Ведь Озан поклялся отомстить за смерть отца. Мой дедушка, не поговорив со мной, как старший семьи согласился с этим решением. С тех пор прошло почти пятнадцать лет, много воды утекло за эти годы. Сел в тюрьму Алирзаевым Фаридом, а вышел оттуда Ферзем. От беззаботного мальчишки, мечтающего стать су-

дьёй, не осталось и следа. И теперь мало кто знает меня как Фарида. Вместе с моим именем изменился и я сам. Для всех я теперь — правая рука Игбала. Меня боялись не меньше, чем самого Игбала, я отличался от всех его людей особой жестокостью. Я стал лютым хищником, человеческая жизнь для меня потеряла всякую ценность. Убийства, преступления, торговля запрещёнными веществами — всё это стало моей рутиной.

Передо мной открывались все двери, от одного моего имени вздрагивали. Конечно, всей этой властью я обязан Игбалу. Но, как однажды сказал мне сам Игбал: «Люди подчиняются лишь в двух случаях: либо они боятся тебя, либо уважают. А второго в нашем мире не бывает без первого». Порой я сам не понимал, кто я. Моя жестокость ужасала меня самого. На мне столько душ…

Поначалу, каждую ночь ложась спать, закрывая глаза, я видел взгляды тех, кого убил я либо убивали при мне. Я считал нас всех зверями! Видя правила и законы этого мира, животные даже мне казались более гуманными. Каждый день меня глодало осознание того, сколько мы этим псевдобизнесом загубили судеб. И нам было неважно: невинные ли это судьбы. Несмотря на моё молчание, Игбал видел меня насквозь.

Однажды, посадив меня перед собой, он сказал: «Покажи мне того ублюдка, что заставляет употреблять! Приведи мне того, кто заставляет кого-то против воли принимать эту

дрянь, и я лично его расчленю на глазах у людей.

Наркомания — это личный выбор каждого! И если ты зависим от этого дерьма, то ты уже не человек, а лишь безвольное существо!» Сам же я начал оправдывать себя тем, что мы не какие-то мелкие барыги, мы во главе этой ниши. Мы — хозяева! А торговля наркотой на 0,1% легче, чем торговля оружием или людьми. Увы, как бы я ни искал оправдания, у меня не получалось. Даже дьявол не сумеет найти оправдание преступнику вроде меня.

Наркомания — это удел слабаков, что с первой дозы перестают быть людьми. И если в один день какой-то жалкий наркоман сдохнет от передозировки, невелика будет потеря для человеческого рода. Это всего лишь оправдания для моей совести, голос которой со временем стал утихать и смолк совсем. Вместе с именем я заработал себе и сотню врагов. Порой меня посещает мысль: как хорошо было бы, если меня кто-то, вроде меня самого, убил. Таким образом, я сумел бы освободиться от всего этого. Ферзь обрёл статус и власть ценой души Фарида!

Утренним рейсом Москва — Баку я проводил на самолёт мою старшую сестру Элону вместе с её мужем Рашадом и их шестилетней дочкой Милой. Всей семьёй они направлялись в Агстафу на свадьбу какой-то нашей дальней родственницы, о существовании которой я узнал только в день отъезда сестры. Через год после обоснования в Москве я перевёз сестру с её семьёй к себе. Нашего младшего брата Наиля я забрал к

нам сразу после того, как он закончил учёбу. Элона посвятила себя стоматологии, а её муж Рашад открыл свой небольшой продуктовый магазинчик. Наиль же стал моей ходячей проблемой. Более избалованного человека в мире не существует. После его рождения наша мать умерла от внутреннего кровотечения прямо на акушерском столе. Её смерть не стала причиной ненависти к Наилю, как это присуще многим семьям, наоборот, все его любили и баловали больше, чем меня и Элону вместе взятых. Особенно в любимчиках он был у нашей бабушки Салби. В Наиле она души не чаяла: всё самое вкусное ему, всё самое лучшее ему. После переезда в Москву Наиль поступил в МГТУ ГА, один из лучших университетов, готовящих специалистов по авиации. Однако позже он забросил учёбу, несмотря на его одержимость полётами. На занятиях он появлялся так же редко, как и я в своё время, когда учился. Пришлось вмешаться Элоне, так как её он боялся больше, чем меня. После хорошей взбучки от нашей сестры Наиль снова вернулся к учёбе.

Каждый раз, провожая кого-то в Азербайджан, меня накрывала какая-то грусть и даже обида. В отличие от меня, Элона и Наиль стабильно раз в год летают на нашу малую родину, в село Хасансу Акстафинского района, к бабушке и дедушке. В наше отсутствие заботу о них взяла на себя их старшая дочь Саида с мужем и дочкой, она живёт через несколько улиц от нашего дома. Своё отсутствие в их жизни я оправдываю тем, что они ни в чём не нуждаются. Как-то

я попросил Элону поговорить с дедом, чтобы тот разрешил мне хотя бы на один день приехать в родной дом. На что он категорически был против, считая, что это навредит Озану. Озана можно понять — он ничего не знает, и за все эти годы я так и не решился рассказать ему правду.

Правда — тяжкий груз, который не под силу каждому, поэтому её и не любят. Единственный человек, с кем я поделился этой правдой, — Игбал, лишь он знает, почему я убил Аяза. Даже когда меня допрашивал следователь в Акстафинском участке, я молчал, не проронив ни слова. Эта история — мой груз, моё бремя, и только я должен нести его в себе, позволяя ему терзать меня в одиночестве.

Проводив сестру с семьёй, я из аэропорта поехал домой к Яне на завтрак. — Через сколько их самолёт приземлится в Баку? – спросила Яна, присев рядом со мной за стол.

— Через четыре часа они уже будут в Баку, а к вечеру доберутся в деревню, – ответил я, поедая сырник.

— Как же тебя Мила так легко отпустила? – спросила, улыбаясь Яна, намазывая творожный сыр на кусочек хлеба.

— С капризами, как обычно, – ответил я.

— Неудивительно, если бы у меня был такой дядя, который ни в чём не скажет «нет», я бы тоже скучала. Я вот думаю, наших детей ты так же будешь баловать?

От услышанного на секунду я замер, посмотрев на Яну, отдав предпочтение молчанию.

— Фарид, я знаю твою позицию насчёт детей, но всё же

прошло так много лет — мы уже семья, и в семье ведь должны быть дети, разве нет? — с лёгким и непонятным для меня волнением продолжила она.

— Ты беременна? — спросил я, стараясь скрыть своё недовольство этой темой разговора.

— Нет, но это не значит, что я не могу не думать о детях. Тебе тридцать, а мне уже двадцать шесть. И тебе не обязательно нашим детям давать своё имя и фамилию, — сказала Яна и осторожно добавила: — так ведь будет безопаснее.

— Ты сейчас себя слышишь? В самом начале наших отношений мы всё это обсуждали с тобой.

— Да, обсуждали… Но, Фарид…

— Ян, — перебил её я. — Я не хочу детей и не являюсь человеком для семьи. Хочешь семью и детей, ты знаешь, что для этого нужно сделать. Пойми, это не котёнок, которого можно просто завести. И с чего ты вообще подумала, что я позволю моему ребёнку расти без моего имени?

— Я имела в виду, что так безопаснее, — робко ответила она.

— Хм, даже так? А зачем тогда рожать от меня, если со мной небезопасно?

— Мне в салон пора, — опустив глаза, сказала она, после чего молча встала и ушла. — Вот и поговорили, — произнёс я вслух, оставшись один.

Я познакомился с Яной четыре года назад в одном из ночных клубов Игбала. Она мне понравилась с первого взгляда,

высокая блондинка с ангельской внешностью. Её огромные голубые глаза с первой секунды запали мне в душу. Три года назад, когда мы начали жить вместе, я был с ней предельно честен: брак, семья и уж тем более дети — не то, что она сможет со мной получить. У таких людей, как я, не может быть семьи. И по сей день Яна не знает, что я контролирую каждый её шаг в целях безопасности. За годы работы на Игбала я понял, что семья — твоё самое слабое место. Будь то Яна или Элона со своей семьёй — каждый из них находится под круглосуточной охраной моих людей. Пока я жив, все они первые под прицелом на пути ко мне. Я никогда не скрывал от Яны, кто я есть и чем занимаюсь, и честно говорил ей о своих мыслях касательно наших отношений. Даже если бы в один день она сказала мне, что нашла другого и уходит, я бы спокойно отпустил её, пожелав счастья. Но в её глазах я — просто Фарид, которого она любит.

А люблю ли я её? В принципе, я уже и не помню, что такое любить…

Главным врагом и одновременно моим сторонником в наших отношениях с Яной была и есть её мать. Валентина Михайловна — человек, который ненавидел меня больше всех в роли спутника своей дочери и, скорее всего, убила бы меня, если бы я всё-таки решил создать семью с её единственной дочерью. Семья Яны является владельцами сети ювелирных магазинов в Москве. Другими словами, солидная семья, у которых дочка — отличница и красавица, на которую возла-

гались большие надежды, что она сделает достойный выбор в пользу честного бизнесмена, но которая вдруг связалась с бандитом. На все увещевания своей семьи Яна была глуха. И неудивительно, что каждая встреча дочери с мамой превращалась в бесконечный круговорот промывания мозгов на тему, что я нерусский бандюган, которого в итоге убьют, а Яна, растратив свою молодость и перспективы на такого человека, останется одна, и что потом она ещё вспомнит слова матери.

И я полностью с ней согласен. Оставшись дома один, я прилёг отдохнуть и не заметил, как провалился в неспокойный сон.

Мне пятнадцать лет. Я снова в родной деревне, в отцовском доме. Ранним утром, с первыми лучами солнца, я прошёл на кухню босиком на цыпочках, чтобы никого случайно не разбудить, иначе план побега будет провален. Вот я в окно на кухне выбрасываю свои кроссовки, а затем за ними сам тихо выпрыгиваю в окно на улицу. Я столько раз это проделывал, что это выходит у меня без лишнего шума. И вот я уже на ходу обуваю сначала правый кроссовок, затем левый. Выйдя за ворота, я припускаюсь в бег и через полдеревни, сломя голову, несусь к дому моего друга Озана.

— Нет, он 100% проспал, как всегда! — бормотал я себе под нос. Озан никогда не просыпался рано, даже в школу он приходил вечно с опозданием. В начале летних каникул мы всегда, мальчишками нашего класса, сбегали в горы

к пастухам. И это лето не было исключением. Я перелез через задний забор поместья Мурадхановых, что ведёт в сад. Это самый короткий и безопасный путь, так как окна комнаты Озана смотрят именно в сад, который находится позади дома. И вот я уже бегу через весь сад, а тем временем Озан пролезает в окно и спускается вниз по дереву. Я бегу к нему навстречу, и тут мой взгляд привлекает инжирное дерево. Чёрный, свисающий с дерева силуэт лишил меня дара речи.

— Фарид, чего ты встал, быстрее бежим! Если бабушка Сугра нас поймает, то не видать нам гор как своих ушей! Ты чего стоишь как статуя?!

Пока Озан воодушевлённо орал на меня шёпотом, толкая меня с места, я не мог даже дышать, так как руки и ноги словно окаменели. Стоя в ступоре, я ощущал, как земля дрожит подо мной, будто сейчас разверзнется. Меня словно с головы до ног медленно обливали расплавленным металлом. В голове крутился лишь один вопрос: «Почему на дереве висит одежда моего отца?»

— Фарид, ты чего, парень, встал? Да куда ты смотришь?!… — уже раздражённо спросил Озан и, взглянув на дерево, на секунду вздрогнул, после продолжил. — Идиот ты, Алирзаев! Это же чучело, по-любому его дядя Ясин повесил, чтобы ворон пугать. В прошлом году пернатые гады все плоды обклевали.

Бормоча, Озан подошёл поближе к дереву посмотреть на «чучело» и, осознав увиденное, громко закричал: — Дя-

дя…? Дядя Ясин, отец! Дядя Ясин зацепился за дерево! Отец! Помогите дяде Ясину! Озан орал во всё горло, он орал так громко, как только мог. Помимо жителей дома, он разбудил живущих недалеко соседей. От услышанного, не в силах держать себя на ногах, я сел на траву, а во рту появился неприятный привкус, и жгучая боль пронзила голову.

— Фарид, Фарид, не смотри! Наргиз, убери его отсюда, закрой ему глаза, он ещё ребёнок, такое видеть. О Аллах, как же так, Ясин! — с этими словами Сугра вбежала в сад, а следом за ней мама Озана, тётя Наргиз, которая села рядом со мной на влажную от утренней росы землю.

— Фарид, сынок, приди в себя, посмотри на меня! Озан, быстро выйди из сада! Сейчас же найди своего отца! Фарид, пожалуйста, сынок, приди в себя, посмотри на меня, вставай — нам надо уйти. Рейхан, помоги мне его поднять на ноги! – тётя Наргиз пыталась говорить спокойно и уверенно, но голос звучал беспокойно, и на некоторых фразах проскальзывали истеричные нотки крика.

Мой мозг отказывался воспринимать её слова, словно стараясь изо всех сил запомнить этот момент моей жизни — момент, который сломал и перевернул всю мою жизнь.

— Фарид… — кто-то звал меня издалека. — Фарид, проснись! Открыв глаза, передо мной стоял Артём. — Что случилось? — сонно спросил я. — Наиля забрали в участок за драку.

Если за умение находить приключения на свою голову

платили бы деньги, то мой младший брат Наиль был бы самым богатым человеком на планете. Например, сейчас, в одном из ресторанов Игбала, куда я устроил Наиля работать, произошла драка — её инициатором был мой братец. Конечно, как ответственный старший брат, я не побежал вытаскивать его из полиции в свой единственный выходной. Пятнадцать суток в целях воспитательного процесса Наилю не навредят. Разобравшись за день со всеми своими делами, вечером я вернулся домой, где меня ждала Яна. Она была на кухне, вся такая милая, по-домашнему, в красном шёлковом халате. Подойдя сзади, я обнял её. Особой нежностью и романтичностью я никогда не выделялся, но я знал, что ей такое нравилось, а мне нравилось, когда она нежно улыбается и её глаза начинали лучиться счастьем в такие моменты.

— Ты завтра сильно занята? — спросил я.

— Для тебя я всегда свободна, — улыбнувшись, ответила Яна.

— В таком случае приглашаю тебя на свидание. И прости меня за слова, сказанные сегодня. Я понимаю, что они звучали резко, но и ты пойми меня: я правда не готов к такому. В ответ она лишь молча кивнула, повернулась ко мне и, поцеловав, прижалась ко мне.

На следующий день, закончив все свои дела с Игбалом, после обеда я заехал в салон за Яной. После четырёх часов шопинга мы поужинали в ресторане, а затем решили прогуляться по ВДНХ. Яна не особенно любила такие прогулки,

как и я не питал особого восторга к четырёхчасовому шопингу. Она предпочитала проводить время в элитных ресторанах, ночных клубах и брендовых магазинах. Для неё прогулки на закате казались бесполезной тратой времени. А я, напротив, любил иногда просто так бродить, наслаждаться неспешной прогулкой, даже если она виделась бессмысленной. В такие моменты мне казалось, что я — самый обычный беззаботный человек. Для полного счастья иногда не хватало лишь семечек, как в детстве, или украденного фундука из сада тётушки Кямили. Прекрасный летний вечер, яркий закат, рядом — такая же красивая девушка. Всё казалось идеальным, и ничто не могло омрачить этот день и его гармоничное завершение. Если бы не она. По пути обратно к машине к нам подошла одна женщина-цыганка лет за пятьдесят, прося купить у неё амулет, который, по её словам, спасёт меня от смерти, а Яне поможет родить. В надежде избавиться от навязчивой продавщицы, я вынул из кармана купюру в пять тысяч рублей и протянул ей. Но она решила сломать систему — не взяла деньги. Увидев деньги, цыганка рассердилась на меня и восприняла мой жест как подачку и оскорбление. Посмотрев на меня, она предложила предсказать мою судьбу. Для меня её предложение показалось дико смешным, а вот Яна, к моему удивлению, проявила необычайный интерес.

— Хорошо, скажи, что меня ждёт? — спросила она. — Только скажи мне что-то хорошее! — словно любопытный ребёнок, она протянула цыганке руку. После этих слов цы-

ганка около трёх минут изучала ладони Яны, при этом артистично цокала, хмурила брови и закатывала глаза. Я, молча присев на лавочку, наблюдал за этим уличным спектаклем, достал сигарету и закурил.

Когда я почти докурил последний глоток, цыганка серьёзным тоном произнесла: — Ты не родишь от него ребёнка, он уйдёт к другой, той, что судьбой ему предначертана. Много слёз ты по нему прольёшь. Но в конце концов ты встретишь свою судьбу и станешь самой счастливой.

Слова цыганки вызвали на моём лице улыбку, которую я не мог сдержать, но Яна побледнела на моих глазах за долю секунды. Увидев её реакцию, я решил немного разрядить обстановку.

— С таким талантом тебе нужно не амулеты продавать, а писать и снимать мыльные драмы с мелодрамами. Мой тебе совет: лучше придумывай и говори хорошие вещи, так больше денег заработаешь, — посоветовал ей я, встав со скамейки, выкинул окурок в урну. О сказанных словах я быстро пожалел. Цыганка издала неприятный скрежещущий смех и сказала: — Выдумка — это то письмо, которое якобы написано покойником, которое ты хранишь по сей день. Слова цыганки меня невольно удивили, и я напрягся, превратившись в слух. Взгляд её был стеклянный, чёрные глаза казались омутом, который тянул утонуть в нём.

— Я ничего не придумала! Вся жизнь написана на линиях её ладони. А ты… Ты в крови, гаджё, по локти, и много душ

на тебе, но все эти души такие же грешные и грязные, как и твоя душа. Тебя бояться нужно — и многие боятся. Но в глубине души, несмотря на страх, ты всё тот же парень, с которым она играла, которого помнит до сих пор. Дорога зовёт тебя вперёд: встретишься со своим прошлым лицом к лицу. Если поступишь мудро, сможешь спасти несколько жизней. Но помни — она предначертана тебе судьбой, а не коварной игрой. Истина рано или поздно найдёт свой путь к тебе. После этих слов цыганка замолчала, её угольно-чёрные глаза словно снова зажглись. Подойдя ближе, я молча протянул ей купюру. — Не нужны мне твои кровавые деньги, — сказала она. — Я сказала правду, и ты ещё вспомнишь мои слова, гаджё. Она равнодушно развернулась и ушла, оставив меня с мыслями. В это время Яна, сидевшая на скамейке сама не своя, смотрела вслед цыганке, и в её взгляде какая-то детская тревожность. Я молчал, ожидая, когда Яна успокоится и придёт в себя. Чтобы немного разрядить атмосферу после случившегося, я предложил продолжить прогулку.

Всю дорогу до машины я говорил без умолку, чтобы заполнить тишину, а она молча шла рядом, не проронив ни слова, всё такая же бледная. Её молчание, как и реакция на слова какой-то цыганки, начали меня раздражать.

— Куда поедем дальше? Может, заедем в то кафе, с твоими любимыми десертами? — с наигранной весёлостью спросил я, заводя машину. Почему-то именно сейчас я больше всего хотел увидеть улыбку на любимом лице.

— Поехали домой… — уныло ответила она. Взревел мотор, и машина выехала на главную дорогу.

Моего терпения не хватило надолго, и я нарушил тягостную тишину: — Почему ты молчишь? — спросил я.

— Тебе не понравится мой ответ, — повернув ко мне лицо, возмущённо произнесла Яна.

— Только не говори мне, что ты поверила в бред, сказанный этой бабкой! — с трудом сдерживая своё раздражение, предъявил я в ответ.

— А разве она не правду сказала, Фарид? — тон Яны стал напряжённым.

— И в чём же заключается правда в словах этой сказочницы? — несмотря на тот факт, что меня раздражал этот разговор и мышление Яны, я старался отвечать спокойно, переведя всё в шутку, и у меня даже получилось натянуть лёгкую успокаивающую улыбку.

— Про тебя она правду сказала, или ты будешь отрицать это? Ты хранишь предсмертное письмо отца, и разве ты не по локоть в крови? Вы с Артёмом убьёте любого, кто перейдёт вам или Игбалу дорогу. Ты немало людей убил, ты не грешник, хочешь сказать?! Эта женщина ещё мягко выразилась, описывая тебя! От услышанного я резко ударил по тормозам, сбавив скорость, и меня на секунду накрыло дикое желание окончательно остановиться и выкинуть Яну из машины. Автомобили сзади начали возмущённо сигналить, и я прижал педаль газа в пол, потеряв ощущение скорости, с

которой гнал.

— Хорошо, раз она права, то для тебя же это лучший расклад! Расстанемся, а ты встретишь свою судьбу! Объясни, в чём же причина твоего траурного вида и этой нелепой реакции?!

— Фарид, сбавь скорость, — испуганным голосом сказала Яна.

— Она же сказала: будешь самой счастливой! Значит, он будет нормальным и чистым парнем. И вообще, тебя кто-то заставляет быть со мной?! Я же головорез! Ты об этом узнала только сейчас? Ты разве не знала об этом, когда вступала со мной в отношения?! Ты не знала, кто я?! Чем занимаюсь? Ты все эти годы разве не знала, что я занимаюсь наркотой и убиваю людей?! Почему ты до сих пор со мной?! Жениться я на тебе не собираюсь, ребёнка я не хочу! Найди уже кого-то себе другого, не такого, как я. Может, тогда и твои родители наконец-то будут довольны твоим выбором! — мой тон оставался спокойным и холодным, несмотря на то, как стремительно я гнал автомобиль.

— Фарид, пожалуйста, сбавь скорость! — резко закричала Яна, закрыв лицо руками. Когда я притормозил около подъезда, она выбежала из машины, с силой захлопнув за собой дверь, и зашла в подъезд жилого комплекса, где мы с ней живём. Просидев в машине больше часа, я постарался успокоиться и поднялся домой. Зайдя в квартиру, я услышал звуки воды в ванной. Дважды я постучался, но Яна не открыла

дверь. В последнее время она странно ведёт себя: постоянно на нервах, в плохом настроении, а любой наш разговор заканчивается её нервным срывом, а после ей становится плохо, вплоть до рвоты.

Через пять дней Элона не смогла дозвониться и поговорить с Наилем, и мне пришлось ей рассказать, где сейчас находится наш брат. Естественно, после мне всё-таки пришлось забрать его из участка, чему я был не особо рад. — Ты изверг, а не старший брат! Я приёмный в нашей семье? Как ты мог оставить меня на целых пять суток в обезьяннике! В обезьяннике!!! — сидя на заднем сиденье в машине, вопил возмущённый Наиль.

— Считай это воспитательным процессом. Скажи спасибо нашей сестре, если бы не Элона, я на все пятнадцать суток там тебя оставил, — моя невозмутимость Наиля бесила ещё больше, что меня забавляло. Всю дорогу от полицейского участка до ночного клуба Игбала я читал Наилю лекцию о том, что нельзя влезать в драки со всеми подряд без разбору. В это время Артём, сидевший рядом со мной на пассажирском сиденье, слушал меня с широкой улыбкой.

— А ты чего улыбаешься? Разве я не прав? — спросил я своего друга, ожидая поддержки.

— Да, ты-то прав, но то, что ты надрываешься тут, читая нотации, толку ноль. Наилю всё в одно ухо влетает, из другого вылетает. Так что расслабься. Этот парнишка пока молодой, у него кровь бурлит. В словах Артёма была толика

истины: моему брату бесполезно что-то говорить.

Артём работал на Игбала дольше меня и был всего на четыре года старше меня. Он попал к Игбалу ещё ребёнком — сбежав из детского дома, где жил с младенческого возраста. О своих родителях он ничего не знал и не интересовался ими. После очередного побега из детдома он оказался у барыг, которые нашли ему работу. Именно тогда его заметил Игбал. Пробивной, смелый и бесстрашный, Артём не боялся никого — такие качества очень ценил в людях Игбал. Со временем он набрался опыта и стал настоящим оружием, которого боялись все не меньше, чем нас, а я бы даже сказал — в некоторых ситуациях даже больше. Внешне его трудно было отличить от представителей кавказской нации: высокий рост, подтянутое телосложение. Щетинистый дядя с тёмно-русыми волосами и ямочками при улыбке. Именно эти ямочки и голубые глаза сводили с ума многих девушек. Сам Игбал иногда говорил, что внешностью и харизмой Артём больше подходит для кино, а не для того, чтобы быть бандитом — и он был абсолютно прав. Он — надёжный друг и товарищ, с которым можно идти хоть в самое пекло.

Но у Артёма была одна черта, которую все ценили, но которая особенно не нравилась Наилю, — его чёрный юмор. Если бы сарказм и чёрный юмор могли быть живыми существами, они бы выглядели именно как Артём. За все годы совместной работы мы с ним очень сблизились, и я доверял Артёму иногда больше, чем самому себе…

— Он меня черномазым назвал, и плюс ударил первый! Я просто его один разок ударил в ответ! — продолжал вопить на заднем сиденье Наиль.

— Ударить разок и разбить бутылку об голову человека — это разные вещи! — не выдержав эти вопли, заорал на Наиля я.

— Согласен с Фаридом, нужно закрепить твои новые знания и в качестве примера предлагаю продемонстрировать на тебе, что такое ударить разок! Чур, я бью первый! — предложил Артём.

— Нет, спасибо, я и так понял без демонстрации, не надо! Я хороший ученик. А ещё он меня уродом назвал! — продолжил Наиль.

— Как он посмел! Ты у нас почти эталон красоты — правда, смуглый как чёрный утёнок среди жёлтых цыплят…

— Смейся, смейся, Артём, вы оба мне завидуете, ведь я вас гораздо моложе, и вообще все девушки меня обожают и сходят по мне с ума!

— Это ты за пять дней в камере узнал, что тебя обожают? — спросил Артём и громко захохотал от собственной шутки. Я же молча продолжил вести машину, слушая их очередной цирк.

Подъехав к клубу, мы вышли из машины и направились внутрь, а сотрудник клуба сразу взял у меня ключи, чтобы отогнать машину от входа. Когда мы зашли в клуб и направились к Игбалу, вечеринка уже была в самом разгаре. Из

всех своих клубов и ресторанов — INFERNO CLUB — Игбал любил больше всего. Он не такой большой, как другие, но это его первое заведение, которое он любит как собственного ребёнка. INFERNO — территория для избранных: сюда приходят только те гости, которые лично знакомы с Игбалом. Здесь есть всё: от элитной выпивки до стриптизёрш с шикарными телами. Но самое главное в клубе — это вышколенный персонал, который следил за тем, чтобы всё происходящее в клубе оставалось конфиденциальным. Именно в этом клубе мы познакомились с Яной — её отец поддерживает хорошие отношения с Игбалом.

Мне же больше по душе был ресторан, контроль над которым осуществлял Артём. Это — Le Palas Royal — элитный, закрытый ресторан, минимальный чек в котором составляет от 100 тысяч рублей на человека. Вход строго по дресс-коду: мужчины в солидных костюмах, женщины — в элегантных платьях от кутюр. Для VIP-гостей здесь подготовлено особое меню, включающее блюда от лёгких до самых изысканных и редких деликатесов.

После изысканной трапезы эти солидные дамы и джентльмены любят расслабиться по-грешному, позволив себе немного более смелые удовольствия. Как уже можно было понять из описания, на самом деле все эти клубы, рестораны — прикрытие для главного бизнеса Игбала. Пятница, вечер, и клуб содрогается от музыки, дресс-код сегодня — белый цвет. Пройдя в VIP-ложу, скрытую от лишних любопыт-

ных взоров гостей, но из которой был виден весь клуб как на ладони, мы поздоровались с Игбалом. — Ооо, наш бунтарь на свободе! — сказал Игбал, снисходительно посмотрев на Наиля.

— Да, спасибо моей любимой сестре Элоне, иначе я сидел бы там до сих пор, — посмотрев на меня, недовольно ответил он. От его слов Игбал лишь широко улыбнулся.

— У меня к тебе, Наиль, есть дело — нужна небольшая помощь, если, конечно, Ферзь не будет против, — слова Игбала заставили меня невольно напрячься. Одно дело — мой брат совмещает учёбу с работой в ресторане, который никак не связан с тёмными делами нашего бизнеса. Другое — поручения Игбала, которые явно не для детей вроде Наиля. Хотя сам я погряз во всей этой грязи, я всё же не желал своему младшему брату такой судьбы. Скорее, я бы предпочёл сам задушить его своими руками, чем позволить ему заняться чем-то незаконным.

— Разве я могу вам чем-то помочь? — удивлённо спросил Наиль.

— Да, можешь, ты же у нас будущий пилот? — уточнил Игбал.

— Вроде как, да.

— Вот, ты сейчас учишься и уже разбираешься ведь в вертолётах, самолётах?

— Не так хорошо, как хотелось бы, я ведь всего лишь третий год учусь, — растерянно отвечал Наиль, наблюдая за мо-

ей реакцией.

— Это неважно, — отмахнулся Игбал, — так вот, я хочу купить себе личный вертолёт, и в этом нужна твоя помощь. Конечно, у меня есть человек, который будет заниматься подбором и покупкой, но нужен ещё кто-то в этом деле: свой, надёжный, — воодушевлённо заявил Игбал.

— Вертолёт?! — одновременно и даже хором переспросили все мы.

— Босс, а тебе вообще летать в твоём возрасте можно? — уточнил Артём.

— В каком моём возрасте?

— Ну, тебе уже за 50, и, если, не дай Бог, ты умрёшь, Бог вряд ли откроет тебе врата рая.

— Ха, очень смешно! В 50 лет я всё равно дам вам троим фору, понятно? Я хочу вертолёт — значит, будет вертолёт!

— Все старики такие?! — посмотрев на меня, спросил Артём.

— Ты где во мне старика видишь, щенок?

— Знаешь, если бы я не знал тебя, то, встретив, подумал бы, что ты милый дедушка 11 внуков, — серьезным тоном произнес Артём.

— Ферзь, тресни его!

— А что, парень прав! — заявил сидящий рядом с Игбалом Дмитрий, его друг и компаньон.

— И в чём это он прав?! — возмутился Игбал.

— Мы с тобой уже старики, полетишь — и через час бу-

дешь в заголовках газет: «Наркобарон умер в небе». Лучше сиди на земле и не рыпайся, — объяснил Дмитрий.

— Прошу прощения, но мне нужно идти, у меня есть дела.

— Куда ты собрался? А вечеринка? — спросил Игбал.

— Увы, сегодня без меня, Наиль заменит меня — он составит вам компанию, — объяснил я, поднявшись с места.

— Босс, пусть идёт! Куда ему до вас, молодых, тусоваться, — пошутил Артём. После этих слов Игбал перевёл взгляд с меня на Артёма, серьёзно пожирая его глазами. Артём — любитель подкалывать, неважно, кого и где. Иногда его шутки помогали, а порой — в такие моменты, когда мы были на грани смерти, — они вызывали желание отправить его к психиатру на исследование.

— Я ещё посмеюсь над тобой в будущем! Погоди, негодяй, — Игбал сощурился при этих словах.

— Наиль, прошу без фокусов и не засиживайся долго! — уходя, тихо, чтобы никто не слышал, сказал я брату.

Яна уже спала, когда я приехал домой, на часах было пять утра. Последнее время она много спала. Управление салоном, постоянные упрёки от матери из-за наших отношений, плюс наши с ней разговоры заканчивались не самым лучшим образом из-за моих резких слов — всё это не лучшим образом сказывалось на состоянии Яны и выматывало её.

Насколько сильно может пошатнуться психика подростка, обнаружившего тело своего отца ? Я пережил это очень тяжело, и меня больше мучила причина этого — ведь она была

записана на жалком клочке бумаги. Всё, что мой отец оставил после себя, — это якобы кусочек признания, спрятанный в кармане его брюк. Я не верил в это признание до последнего, во что угодно, но только не в него. Никто не знал о существовании этого письма — Аяз посоветовал мне спрятать его, чтобы не позорить всю свою семью. До сих пор в моей деревне существуют две загадки: почему мой отец ушел из жизни и почему я убил Аяза. И лишь я один знаю ответы на оба эти вопроса. С тех пор утекло много воды, но та пустота внутри меня так и не заполнилась. С каждым годом я всё больше становился похож на него внешне: высокий рост, острые скулы, густые чёрные волосы, тяжёлые веки, те же карие глаза. Если бы я сейчас приехал в деревню, то все соседи подумали бы, что я — это он. Единственное — он никогда, в отличие от меня, не ходил щетинистым, всегда был гладко выбрит. Я же могу побриться раз в неделю, а иногда ещё реже. Мой отец был очень скромным, неконфликтным человеком. После горячего душа я лёг рядом с Яной, обняв её сзади.

Я зашёл в дом Озана, когда услышал крик его матери, тёти Наргиз. Она громко плакала и кричала на своего мужа Аяза. По всей видимости, он снова её избил либо истерика была связана с его очередной изменой. Озана и других членов семьи не было дома. Я уже собрался тихонько выйти из дома, как услышал то, что привлекло моё внимание и заставило остановиться на месте. Если бы мне об этом кто-

то рассказал, то я никогда в услышанное не поверил, но я слышал это своими ушами от самого Аяза. Тётя Наргиз обвиняла его в ужасных вещах, а он с гордостью признавался в содеянном. Когда обвинения перешли в проклятия, Аяз начал избивать свою жену, его удары были даже слышны за дверью. После криков, оскорблений и побоев дверь распахнулась, Аяз вышел из комнаты. Ослеплённый собственной злостью, он даже не заметил меня. Тётя Наргиз часто ходила в ушибах и синяках, но всегда врала, что упала или случайно ударилась. Захлопнув за собой дверь дома, он ушёл. Я, онемевший от услышанного, молча смотрел ему вслед. Мой мозг словно метался в агонии, а я пытался осознать случившееся за закрытой дверью. Заглянув в открытую дверь их спальни, я увидел пытающуюся сесть тётю Наргиз, из её носа шла кровь. Вытирая её с лица подолом своего платья, она заметила меня.

— Фарид… — с ужасом произнесла она.

По моему выражению лица несложно было понять, что я всё слышал. Теперь я знал всё… Не ожидая никаких объяснений, я развернулся и направился вслед за Аязом. Пока я спускался вниз по лестнице, в голове крутился лишь один вопрос: «Что мне теперь делать?» Ответ не заставил себя долго ждать. В гостиной Мурадхановых мой взгляд остановился на ружье Аяза, стоявшем над камином, которое досталось ему от его отца Захара. Ружьё всегда было заряженным и висело на стене. Озан рассказывал, что дед повесил ружьё

над камином всего с одним патроном как символ чести и ответственности. Он хотел показать, что вооружён лишь для защиты и что истинная сила — в мудрости и вере, а не в оружии. Такой жест был напоминанием о том, что честь важнее всего. Однажды, услышав рассказ Озана, Аяз рассмеялся и сказал, что этот патрон нужен только для одного: если во двор проникнет дикий зверь, то под рукой должно быть заряженное ружьё, выстрел которого должен спугнуть незваного гостя. Но для меня этот один патрон в ружье на стене сейчас означал только одно: у меня нет шанса ошибиться и промахнуться… Недолго думая, я снял это ружьё и, выйдя из дома, направился за Аязом. С ружьём в руках я шёл словно одержимый по деревенским улицам, не видя никого вокруг себя, о чём я только не думал в тот момент. По пути в чайхану дяди Эльшада наш участковый Тельман обратился ко мне, но я проигнорировал его, продолжая идти. Меня даже никто не попытался остановить, что неудивительно, ведь я был тем самым ребёнком, который даже мухи не обидел бы. Подумать только, что я иду в чайхану дяди Эльшада, чтобы убить такого уважаемого человека, как Аяз, — никто бы не подумал. Чайхана была любимым местом деревенских мужчин: они собирались туда выпить чай, сыграть в нарды, домино или карты. Аяз всегда бывал там в это время, играл в нарды со своим другом Ровшаном, поэтому я знал, где его найти. Дойдя до чайханы, я увидел у дверей Аяза — он только собирался войти.

— Аяз! — на всю улицу закричал я, обратившись к нему. Услышав своё имя, он сразу обернулся. Между нами было расстояние в метров 15, я снял ружьё с предохранителя. Все взгляды присутствующих были нацелены на нас. Аяз стоял прямо и смотрел на меня невозмутимым взглядом, и, встретившись с этим взглядом, я почувствовал странное волнение в себе.

— Фарид, сынок, что ты делаешь? — спросил дядя Эльшад, выйдя из чайханы. Аяз же ни слова не сказал, лишь молча смотрел на меня, а на его лице стала появляться мерзкая ухмылка, ведь он не воспринимал всерьёз ни меня, ни ружьё в моих руках. — Я всё знаю! — сказав это Аязу, я поднял ружьё и взял его под прицел.

— Что ты знаешь? — обратился ко мне дядя Акиф, отец Рашада.

— Фарид, сынок, это не игрушка, опусти вниз ружьё. Давай поговорим, ведь всё можно решить словами, — уговаривал он меня.

Крепко сжимая ружьё в руках и прижав приклад к плечу, я нажал на курок. В эту же долю секунды на всю улицу прогремел оглушительный выстрел. Аяз упал на землю. Вокруг начались крики, паника. Обернувшись, я увидел Озана. Он был бледный, и взгляд был прикован к его отцу, это подействовало на меня отрезвляюще. От его вида я немного пришёл в себя и осознал, что я сделал. Он стоял и смотрел на упавшее тело своего отца, который испускал последнее ды-

хание. Во взгляде Озана был ужас, казалось, его глаза вот-вот вылезут из орбит. Не сказав ни слова, он в отчаянии упал на колени. Я же перестал слышать что-либо вокруг, кроме тяжёлого дыхания Озана. Все мужчины вокруг бросились к истекающему кровью Аязу, а женщины, что прибежали на звук выстрела, — к Озану. Посмотрев последний раз на тело Аяза, я с ружьём в руках направился в сторону деревенского участка, чтобы сдаться.

По пути в полицейский участок мой слух пронзил детский плач, хотя рядом не было никого. Плач становился всё громче и громче, заполняя всё пространство вокруг меня. Пытаясь защититься, я решил закрыть уши руками, но увидел свои ладони — на них была кровь. Внезапно передо мной появился силуэт девушки лет восемнадцати. Она была одета в белое платье, которое было разорвано, а лицо скрывала красная накидка. Её платье было запачкано кровью, а на запястьях были порезы, из которых капала кровь. Я сделал шаг к ней, чтобы узнать, кто она. Но чем быстрее я приближался, тем дальше она удалялась от меня, а плач становился всё громче.

Телефонный звонок развеял мой кошмарный сон. Вскочив с кровати в полном недоумении, я не сразу понял, где нахожусь и что происходит. На экране отражался азербайджанский номер Элоны. Я ответил на звонок, ожидая услышать голос сестры, — но на другом конце линии слышался плач моей племянницы Милы.

— Дядя, — прошептала она робко, — не говори маме, что я тебе звонила. Прадедушке плохо, он очень хочет тебя увидеть. Пожалуйста, приезжай! Мама запретила рассказывать тебе, но прадедушка очень просит. Мама сказала, что тебе нельзя сюда приезжать, поэтому — не говори никому.

Слова Милы словно застряли у меня в голове, вызывая комок в горле.

— Дядя, ты слышишь меня? — услышал я её тихий голос.

— Да, я слышу. Я приеду. Никому не говори, я прилечу первым же рейсом, — быстро и твёрдо ответил я, завершив разговор. Волнение охватило меня.

— Что случилось? — спросила сонная Яна с тревогой в голосе. — Моему деду плохо, мне срочно нужно к нему. Мне нужно домой.

Глава 2
Возвращение домой

Ночной звонок Милы закончился очередной ссорой с Яной. — Ты не можешь просто так взять и уехать, — бормотала она, стоя в дверях ванной комнаты, пока я умывался холодной водой и пытался прийти в себя.

То ли от резкого пробуждения, то ли от страха за дедушку в голове внезапно появилась острая боль — казалось, сейчас какая-то вена за ухом вот-вот лопнет. Сквозь слова племянницы я стоял, закрыв глаза, передо мной мелькали образы из снов. Я привык к ночным кошмарам, но никогда раньше не видел в них день убийства Аяза. Внутренний голос подсказывал мне, что этот сон не сулит ничего хорошего, как и звонок Милы.

— Ты вообще меня слушаешь? Я сказала, что ты никуда не поедешь! И вообще…

— А я твоё мнение спрашивал? — перебил её я, не дожидаясь окончания потока слов Яны.

— А я разве не могу высказать своё мнение? — заикаясь, спросила она.

— Можешь, конечно, — спокойно ответил я, глядя ей в глаза через зеркало в ванной. — Но следовать я буду только своему решению. И точка. Да и что изменит твоё мнение? —

повернувшись к ней лицом, спросил я, ощущая, как внутри меня нарастает злость и головная боль. — Почему я не могу поехать? — добавил я.

От этих слов в её глазах вспыхнули слёзы, что меня злило не меньше. Молча, с тяжёлым вздохом, она задержалась с ответом — ведь это было нехарактерно для неё.

— Она ведь… сказала: «Дорога, мы расстанемся».

— Она сказала?!… — не успел я дать Яне договорить этот бред, как, схватив её за локоть, притянул её к себе и поцеловал в губы. В ответ она крепко обняла меня. — Прекрати издеваться над собой, я с тобой и только с тобой. Я поеду навестить семью и вернусь через пару дней. Отдохни, займись собой, пока меня не будет. О расставании и речи не может быть, — прервал я свой поцелуй, твёрдо и решительно говоря свои слова.

Яна не знала причин, почему я уехал из родной деревни, ни об Озане, ни об убийстве Аяза. О том, что в этой поездке могла поджидать меня смерть, я умолчал. К обеду я уже находился в загородном доме Игбала. Его дом был изысканно оформлен в классическом стиле, в чистых белых тонах, создавая атмосферу уюта и элегантности. По моей просьбе здесь также присутствовали Артём и Наиль, ожидая моего прибытия. Я рассказал им о разговоре с Милой, и в этот момент разгорелось жаркое голосование — за и против моей поездки в Азербайджан, ведь каждый из них старался высказать свою точку зрения, а я — слушать и принимать решение.

— Но я вчера разговаривал с Элоной по видеосвязи. В этот момент дедушки не было дома, а она сказала, что он вышел прогуляться. Если бы что-то серьёзное было, то я уже знал об этом, — сказал Наиль.

— Ты точно последний в списке людей, кому она сообщила бы об этом, — возразил ему Артём.

— Почему это я последний? — удивлённо возмутился Наиль.

— С того, Наиль, ты сразу всё доложишь Фариду, даже не задумываясь о последствиях, — добавил Артём.

— А я что, по-твоему, такой уж глупый? — истерично воскликнул Наиль, выпучив глаза.

— Не глупый! Ты просто слишком максималист, реагируешь на всё эмоционально! — теперь уже Артём делал ему замечание, хотя всего пару дней назад убеждал меня, что это бесполезное занятие.

— Ты уверен, что хочешь поехать? — спросил меня Игбал.

— Да, — уверенно ответил я. — Прошло пятнадцать лет с тех пор, как я в последний раз был дома. Мне самому очень хочется поехать, а если деду действительно плохо и это скрывают от нас, то тем более я обязан быть там как внук.

— А как быть с Озаном? — спросил Артём, переведя с меня взгляд на Игбала.

— Кто такой этот Озан? — резко заявил Наиль.

— Он и его бабка — не более чем уличные собаки, кото-

рые только и могут лаять! — продолжил высокомерно он. — Если Озан узнает, кем брат стал, он сбежит из деревни так быстро, что его пятки засверкают на солнце!..

— Не сбежит!.. — прервал Наиля Игбал. — Озан никуда не сбежит. Он был мальчишкой, у которого на глазах убили отца, и с тех пор он давно повзрослел. Он явно не будет рад появлению старого друга, ставшего для него врагом. И тут ничего удивительного. К тому же я навёл о нём справки: он парень весьма вспыльчивый.

— И как ты всё о всех знаешь? — удивлённый словам Игбала, спросил Артём.

— Мне известно многое! Например, мне известно, что ты до сих пор не взял себе и Фариду билеты в Азербайджан! — улыбнувшись, ответил Игбал.

— Что?! – одновременно с Артёмом спросил я.

— Босс, у меня отпуск?! — радостно спросил Артём.

— Он не может со мной поехать! — возразил Игбалу я, не понимая радости Артёма.

— Это ещё почему я не могу поехать?! — возмутился Артём, переведя недовольный взгляд с Игбала на меня.

— Это опасно! Я не собираюсь подвергать тебя риску! К тому же я уеду, ты уедешь, Игбал с Наилем в поисках вертолёта, а бизнесом кто управлять будет?! — объяснил я.

— Не смей мешать моему отпуску! За пару дней бизнес никуда не исчезнет, так что не мешай моему отпуску. А опасность?! Ты серьёзно? — с ухмылкой на лице спросил он ме-

ня.

— Я еду один, и это не обсуждается.

— Ты не поедешь один! — вмешался Игбал. — Артём едет с тобой! Иначе ты никуда не отправишься. Делами займусь я сам, а Наиль поможет мне с моей покупкой.

— Есть смысл так подвергать Артёма опасности? — спросил я.

— Для меня нет разницы, ты или Артём — вы оба словно мои дети. Но я хорошо знаю тебя, Фарид. Озан, как был твоим другом, так им и остался. Но ты из друга превратился во врага. Если он придёт с тобой решать вопросы, ты не станешь защищаться, опасаясь навредить ему. А он… — взглянув на Артёма, продолжил Игбал. — Он, если понадобится, поможет тебе в любой ситуации.

Я прекрасно знал этот взгляд Игбала! Он означал лишь одно — Артём должен убить в случае чего…

— Всё, прекрати строить из себя героя! — заявил Артём мне. — И да, Босс, ты же спонсируешь мой отпуск? Сам понимаешь, сейчас экономическая нестабильность в стране, то инфляция, то кризис.

— Спонсирую. Не переживай так! Ты же самый «нищий» из моих людей, — подколол его Игбал с серьёзным выражением лица.

— Да, трудные сейчас времена. Короче, давай паспорт! Возьму билеты на ближайший рейс. Так как нам всё оплатят, то возьму места в бизнес-классе. Перелёт долгий, а моё неж-

ное тело требует заботы и удобств.

С недовольством я протянул загранпаспорт Артёму, который, в свою очередь, ушёл заниматься покупкой билетов. После его ухода атмосфера в комнате как будто накалилась, и Наиль по тяжёлому взгляду Игбала понял, что он хочет поговорить со мной наедине. Дверь за Наилем закрылась, и на некоторое время воцарилась полная тишина. После непродолжительного молчания Игбал повернулся ко мне и посмотрел серьёзным взглядом.

— Я понимаю, что отговаривать тебя бесполезно, но может предварительно отправить наших ребят проверить твоих родных, а ты останешься?

— Я сам хочу поехать. Это дом моей семьи. Когда у меня ещё будет шанс посетить родные места? Мы же как живём: всю жизнь на чужбине, и лишь после смерти оказываемся на родной земле — только для того, чтобы быть преданными ей, похоронены в своей земле. И только тогда мы наконец воссоединяемся с… родителями, родиной, прошлым. От моих слов Игбал задумался и грустно ухмыльнулся.

— Понимаю тебя как никто другой. Хорошо, вижу, что мне тебя не переубедить. Есть просьба к тебе: по приезде домой, если тебя не узнают, не говори, кто ты. Представься другим именем. Скажи всем, что ты приехал в гости. Будет лучше, если ты скажешь, что ты родственник Рашада. Послушайся моего совета. Таким образом ты обеспечишь в первую очередь безопасность Озана, не только себе. — впервые за

пятнадцать лет я видел в глазах Игбала тревогу.

— Хорошо, я сделаю, как ты сказал. У меня к тебе тоже есть просьба. Если со мной что-то случится в поездке, то ты не причинишь вреда Озану. Ты знаешь всю нашу историю, и я не хочу, чтобы Озан отвечал за вину Аяза.

— Пока за грехи Аяза отвечаешь лишь ты…

В этом с Игбалом я не мог даже поспорить, ибо на самом деле за его грехи отвечал только я. Спустя час Артём вернулся с билетами: вылет сегодня в 23:32 по Москве. За несколько часов до вылета я заехал к Яне взять несколько вещей. К моему удивлению, она была дома, и, судя по её домашнему виду, сегодня она не ходила на работу. Поздоровавшись, я сразу прошёл в спальню собрать вещи и увидел, что на кровати стояла небольшая дорожная сумка.

— Я собрала вещи в дорогу, только самое необходимое… — робко произнесла она, зайдя за мной в спальню.

Утренняя ссора вмиг улетучилась из моей головы. Сложно злиться на её ангельский вид: эти белокурые локоны, большие голубые глаза обезоруживали и заставляли меня забыть обо всём.

— Спасибо, — ответил спокойно я. Подойдя ко мне, Яна нежно обняла меня.

— Прости меня, — уткнувшись лицом мне в грудь, тихо произнесла она.

— Я была не права утром.

— Всё хорошо, милая! Ты меня тоже прости за грубость и

за мои слова. Я вернусь к тебе буквально через пару дней, — обняв её в ответ, я продолжил. — Выкинь все дурные мысли из своей прекрасной головы. Я твой и лишь твой, мне никто и не нужен, кроме тебя.

Успокоив Яну, я жадно поцеловал её в губы на прощание и спустился вниз, где в машине меня ждал Артём. За пару часов до регистрации мы уже сидели в аэропорту. Мои мысли были забиты словами Милы. Да, я мог и не ехать, мог всё узнать через своих людей, а после принять решение, но что-то необъяснимое тянуло меня в эту поездку, в родную деревню. Пятнадцать лет я даже не допускал мысли об этом, да и не было у меня на это времени. Но сейчас меня сильнее, чем когда-либо прежде, тянет домой. Причина этому — не только страх за дедушку, хотя он, без сомнения, важен. Кажется, там скрыто что-то не менее значимое, что зовёт меня туда. Также меня терзал сегодняшний сон, точнее — образ девушки из него. В моей голове сложилось представление о том, кто она.

Когда меня посадили в тюрьму, дедушка Сафар долго пытался выбить из меня объяснения причины, почему я убил Аяза. Все его вопросы не получили ответа. У него осталась только непоколебимая уверенность, что без веской причины его внук так не поступил бы и не отнял бы чужую жизнь, и он был прав в этом. Я не мог ничего ему рассказать, так как, узнай он в самом начале ту правду, по которой я так поступил, отсидел бы ни я. Дедушка не позволил бы мне убить

Аяза, не позволил бы пожертвовать своим будущим. Он решил бы это сам. А я? Я не мог пожертвовать дедом. Будем считать, что такова воля судьбы.

До этого момента с дедушкой Сафаром у меня всегда были близкие и тёплые отношения. Я любил проводить с ним время, делиться мыслями и слушать его мудрые советы. Он всегда красиво и живо рассказывал старинные иранские сказки, услышанные от своей бабушки — тоже азербайджанки, но родом из Ирана. По вечерам мы с Озаном с удовольствием смотрели вместе с дедушкой криминальные новости, нам нравилось слушать его мнение и рассуждения на эти темы. В конце Озан всегда возмущённо выносил вердикты, и для всех виновных в новостях было одинаковое наказание: «Сжечь мерзавца заживо, чтобы для других это было уроком». — Фарид, идём, посадка началась, — сказал Артём, вернув меня в реальность.

Мы прошли предполётный досмотр вне очереди благодаря Артёму и его желанию летать с удобством, и вот мы уже сидим в самолёте. Заняв свои места, Артём заснул, а я погрузился в свои воспоминания о прошлом. В тюрьме, когда Игбал узнал от меня причины, из-за которых я убил Аяза, спросил меня — сожалею ли я о содеянном. Тогда мой ответ был таким: «Я сожалею только об одном — что он умер легко, без каких-либо мучений». Да, я правда сожалею об этом по сей день. На фоне того, что совершил сам Аяз, то, как он легко умер, — скорее благословение небес, чем наказание.

Время полёта шло, а меня всё сильнее накрывало непривычное волнение.

«Фарид станет большим человеком! Он хорошо учится и будет судьёй! Вот увидите!» — так всегда говорил с гордостью мой дед всем знакомым и незнакомым людям. Только я не смог оправдать его ожидания, не реализовал свою мечту. Дедушка не знает, кто я и чем занимаюсь. В нашем бизнесе моя фигура находится в тени. По легенде я предприниматель, и у меня свой ресторанный бизнес, совместный с другом. Узнай дедушка, кто я и как зарабатываю те деньги, которые они каждый месяц получают, — то моя голова слетела бы с плеч. Ещё будучи ребёнком, я часто слышал в криминальных сводках имя Игбала.

Спустя почти три с половиной часа мы приземлились в Баку в аэропорту имени Гейдара Алиева. В зоне прилёта нас встретил мужчина лет 38–40, невысокого роста, брюнет с явной сединой в волосах и густой щетиной на лице. Он был смуглым, даже выгоревшим от солнца. Этот мужчина с небольшим пузом был Рауф. О нашем приезде ему сообщил Игбал и поручил нас встретить и обеспечить всем нужным.

Рауф — наш человек. Азербайджанский рынок нашего бизнеса — его ответственность. Я знал, кто он, но никогда не был лично знаком. Связи с ним держал сам Игбал либо Артём.

— Vətənə xoş gəldin! (Добро пожаловать на родину), — поздоровавшись, Рауф приобнял меня, как это присуще де-

лать в Азербайджане, когда приветствуешь дорогих для тебя гостей.

— Sag ol (спасибо), — произнёс я в ответ.

С Артёмом они более дружески поприветствовали друг друга. Встретив нас, Рауф, по классике, пытался убедить нас поехать к нему в гости, чтобы отдохнуть, а завтра мы бы все вместе выехали в деревню. Я вежливо отказался и пообещал на обратном пути побыть его гостями. Да, без обещания нас просто так бы не отпустили и, возможно, даже оскорбились.

— Мои ребята отвезут вас куда скажете. И они будут рядом с вами на случай, если потребуется помощь.

Водитель довёз нас до самой Агстафы, а там я попросил ребят Рауфа остаться в Агстафе в отеле, что им не понравилось, так как у них есть приказ сопровождать нас везде, но я смог их убедить, и мы условились, что, если они понадобятся в деревне, то я выйду с ними на связь.

— Вот объясни мне, в чём была проблема доехать до дома твоего дедушки в комфорте на машине, в которой есть рабочий кондиционер? — пропотевший от жары, проворчал Артём. — Скажи честно, ты в итоге согласился взять меня с собой, чтобы просто убить этой жарой?!

— Если мы поедем на внедорожнике Рауфа с его людьми, нас посчитают бандитами. Это тебе не Москва и не крупный город, чтобы вот так разъезжать в открытую.

— А мы типа не бандиты?! — Нет, на данный момент мы владельцы ресторана! Мы живём честно! А ещё мы ведём

законопослушный образ жизни! Я ранее тебе уже говорил об этом и давал чёткие инструкции, как вести себя.

— Заметь, это даже звучит как-то пресно и грустно! А что будет, если твой дед узнает правду?

— Я могу тогда выбирать себе место на кладбище.

Найти таксиста, который бы повёз нас в деревню Хасансу за сто азербайджанских манат, не составило труда. Пожилой мужчина по имени Самир согласился нас отвезти на своём стареньком жигули 95-х годов выпуска. Автомобиль, как и его хозяин, хоть и был старым, даже были уже заметны проплешины ржавчины, всё равно оба вызывали доверие.

— Вы, кажется, не местные, каким ветром вас, ребята, занесло в наши края?

— Мы из России приехали в гости к родственникам.

— К тебе, сынок, как обращаться?

— Я Фуад, а его Артём зовут, — ответил я.

— А в Хасансу к кому едете?

— Сестра моей мамы там замужем, к ним в гости еду.

— Хм, я сам-то из деревни Кырылы, это по соседству с Хасансу. А как зовут мужа твоей тёти?

— Акиф, сына его Рашад зовут.

— А-а-а… — протянул, поглаживая свои белоснежные усы, Самир и продолжил:

— Всё, я понял, чей ты родственник, знаю Акифа. А Рашад — его старший сын, что женат на внучке Сафара ещё?!

— Да, всё верно, — ответил я, не удивившись ни капли

факту знакомства этого старика с отцом Рашада и моим дедом.

Кырылы — это деревня, которая находится недалеко от нашей, и, так как в самом Кырылы школ не было, в мои времена дети этой деревни ходили в нашу школу.

— Дочь покойного Ясина она.

От услышанного имени моё сердце невольно заколoло. После смерти отца я часто слышал фразы вроде: «Да упокоит Аллах его душу», «простит грехи», «воздаст рай» и фраза, которая особенно вызывает во мне боль, «покойный Ясин». За последние пятнадцать лет я отвык слышать такое, и знакомое чувство потери пронзило меня снова.

— Вы с ним, кажется, были знакомы? — не выдержав, спросил я.

— Да, я знал Ясина, он с моей дочкой учился ещё. Хороший был парень, но судьба у него не сложилась, — с грустью в голосе начал Самир.

— Почему? — спросил я, пытаясь сделать удивлённое лицо и скрыть гримасу душевной боли.

— Он рано женился, по любви, между прочим, что является редкостью в наших краях. И судьба подарила ему с женой троих детишек. Только после рождения третьего ребёнка жена умерла. Она была совсем юной и молодой. Он и трое его детей остались без жены и матери. Жили они небогато, но дружно. Жениться он повторно не согласился, а детей воспитывал вместе со своими родителями. В итоге Ясин

сам умер, бедняга, ушел добровольно из жизни.

— Из-за чего? — переборов собственное волнение, спросил я.

Сидя сзади, Артём внимательно слушал наш разговор, за годы жизни рядом с Игбалом он изучил азербайджанский и понимал его свободно и мог неплохо говорить на нём.

— Причина — загадка! По сей день является тайной, почему он добровольно оборвал свою жизнь, даже его семья не знает. Тогда слухи разные ходили: что долги были, что с замужней гулял, но правда лишь Всевышнему известна. Могу только смело сказать — это всё слухи: человек он был праведный и жил по чести.

— Вы сказали, у него трое детей, но я всегда думал, у Элоны только один брат — Наиль.

— Не, Наиль — это самый младший у них, как раз после его рождения и умерла их мать, а эта Элона у них старшая, средним был Фарид. Правда, после смерти Ясина судьба среднего брата пошла под откос.

— А что с ним случилось? – после слов Самира во мне пробудилось любопытство.

— После смерти отца парень, говорят, рассудок потерял. Да это и не удивительно, ведь это он обнаружил тело своего отца. Его посадили вскоре после похорон Ясина за убийство одного уважаемого человека, у которого Ясин как раз-таки работал в саду, когда был живой. В этом-то саду, где Ясин работал у Аяза, Фарид и нашёл своего отца, — в голосе Са-

мира появились странные нотки, складывалось ощущение, что он боится говорить.

— Просто взял и убил из-за помутнения рассудка?

— Почему он его убил, никому не известно, но после его смерти в деревне пошли разговоры, что у парня после смерти отца помутился рассудок, что он начал делать странные вещи. Даже в полицию он сдался сам, и ни на допросе у следователя, ни своим родным не рассказал, почему это сделал. Вот люди вокруг и стали говорить, что он сошёл с ума. Его посадили в тюрьму, кажется, лет на десять.

— А у него самого после, когда вышел, не узнали?

— Так, он не приезжал обратно в деревню. Сафар отослал парня из-за матери Аяза, Сугры. Жестокая, скажу тебе, сынок, она женщина. После случившегося она поклялась на могиле Аяза, что не оставит Фарида живым, если тот вернётся. Вот Сафар и отослал внука, чтобы спасти ему жизнь. И скажу тебе так, правильно сделал он. Эх, если бы не Озан, сын Аяза, Сугра жизни не дала бы Сафару и его семье. Только вот внук не позволил…

После услышанного меня словно током ударило. Мой дед солгал мне, отослал подальше из-за какой-то старухи, он выкинул меня из своей жизни из-за угроз Сугры. Я пятнадцать лет был изгоем в собственной семье только из-за угроз Сугры!

— Долго ещё ехать? — спросил Артём, обратившись к Самиру.

Услышав вопрос на азербайджанском, Самир приятно удивился и переключился с меня на Артёма. От распирающей меня злости меня отвлёк вид из окна машины. За разговором я даже не заметил, как мы уже въехали в мою деревню.

Вот та самая дорога, где Элона упала в слезах в тот самый день, когда меня, арестовав, увозили в Агстафинский полицейский участок. Нам даже не дали возможности попрощаться. Этот момент навсегда отпечатался в моей памяти. Вот она в отчаянии бежит за полицейской машиной до самого выезда из нашей деревни, её голос утопает в рёве мотора и пыли из-под колёс, а её глаза полны слёз. Следом за ней бежит Рашад.

Вот она, споткнувшись, падает на колени, и помимо слёз из её груди вырываются рыдания, которые я слышу, несмотря на то что машина стремительно удалялась вместе со мной от неё: «Фарид! Фарид! Пожалуйста, не увозите моего брата! Фарид!». Подбежавший к ней Рашад пытается ей помочь встать…

Эхом раздался её крик в моей голове, прошлое поглотило мой слух, сердце забилось сильнее от старых воспоминаний, всё словно произошло вчера. Я всегда был близок с Элоной, и разница в два года между нами никак не ощущалась. Так было до того момента, пока мамы не стало. Элона всё так же оставалась моей сестрой, но параллельно ей пришлось стать матерью для Наиля. Когда не стало нашей матери, для моей сестры кончилось детство.

В дождливые вечера я, Элона, Озан, Рашад со своей сестрой Севдой собирались у нас во дворе под навесом, где стоял большой обеденный стол и самовар. Пока девочки накрывали стол, Рашад с моей бабушкой заваривали чай в этом самом самоваре. Ветер, внезапно подувший, донёс до меня ароматы детства. Эта улица всегда была богата на цветы, гранатовые сады. На этой же улице жил дедушка Адалат, которому мы с Озаном каждую осень помогали собирать гранаты, а взамен он всегда давал нам деньги, на которые мы покупали мяч, чтобы играть в футбол. Сугра и Аяз злились на то, что их единственный наследник словно простолюдин помогает кому-то за деньги, кому-то даже просто за вкусности. Только Озану было плевать на их мнение. Нет, он никогда не перечил отцу и не спорил с ним, он просто всё равно делал по-своему.

Через четыре дома от дедушки Адалата, на этой же улице, жила злобная бабушка Сусана, и в сезон сбора абрикосов её крики слышали все жители деревни. В свои шестьдесят с лишним лет она была очень жадной и, как говорили взрослые, лгала не краснея. Однажды взамен на помощь со сбором абрикосов она пообещала ребятам, что угостит их этими абрикосами. Только вместо обещанных абрикосов она приготовила детям странного вида бисквит, который они даже не стали есть, так как он больше напоминал безвкусную мокрую вату. Нас с Озаном не устроила такая несправедливость, и мы в последующем соглашались идти помогать ей бесплат-

но, чем очень радовали жадную старуху. В ту же ночь, после работы, мы пробирались к ней в погреб, где она хранила эти абрикосы до отправки на продажу в Баку, и утаскивали столько абрикосов, сколько могли, обычно это было два школьных рюкзака, которые мы набивали доверху. После мы делились своей добычей со всеми детьми в школе. Угостив ребят, мы всегда сбегали в горы, иначе был велик риск, что нам достанется от домашних за наши проказы. Каждое лето пастухи уводили скот в горы, чтобы держать его подальше от местных волков, которые обленились и ради лёгкой добычи повадились охотиться на домашнюю скотину.

Мы часто сбегали к ним в горы. Днём мы помогали со скотом, а вечером сидели с ними у костра, ели шашлыки и запечённую картошку, а также слушали легенды и рассказы. Вечера казались тогда такими длинными, а жизнь казалась такой беззаботно лёгкой. По возвращении домой моя бабушка Салби сильно наказывала за воровство меня и Озана. Но каждый раз, когда домашний веник ломался от побоев, нас распирала гордость: ведь даже веник не выдерживал перед нами, мы считали себя мужчинами. Через пару метров был поворот на нашу улицу. Было ощущение, что у меня ужались все органы, а в ушах я слышал собственный пульс. Перед поворотом на нашу улицу, по другую сторону дороги, до сих пор стоял небольшой магазинчик всяких мелочей, хозяйственных товаров: именно там мы всегда покупали футбольный мяч.

После поворота, сквозь призму воспоминаний этих улиц, я вдруг потерял разницу между прошлым и настоящим. Вот от моего дома наперегонки бегут двое мальчишек, их крик и смех разносятся повсюду, они яростно спорят о том, что кто проиграет, тот скидывается на новый мяч. Один высокий, худощавый, с вечно взъерошенными волосами цвета угля, чернее которых были лишь его глаза. Другой такого же роста, только слегка упитанный и с ухоженным видом, но это было до первой игры или драки, был брюнетом с голубыми глазами, а волосы непослушно торчали, словно ёжик. В наших соревнованиях наперегонки Озан всегда проигрывал специально, ссылаясь на своё плоскостопие. На самом же деле не было у него никакого плоскостопия, просто из нас двоих денег всегда было больше у него. Я моргнул, и видение пропало. Дистанция до моего дома неумолимо сокращалась, отчего моё волнение усиливалось, холод пробежал по всему телу. Вот показался дом нашего соседа, дяди Али, а через шесть домов мы доехали до дома дяди Акифа.

— Приехали, — неожиданно громко сказал дядя Самир, остановив машину.

— Приехали, – повторил я эти слова, сидя в старом жигули и не решаясь выйти. Время около десяти часов утра, на улицах было ещё тихо. Я медленно вышел из машины последним, забрал сумку с рук Артёма.

— Спасибо, что привезли, – сказав, Артём пожал руку Самиру и протянул сто манат. Видя моё состояние, он не дал

Самиру обратить на это внимание, отвлекая его своим владением азербайджанским языком с жёстким русским акцентом, что в Самире вызывало явное умиление и восхищение.

— Акифу салам от меня! — сказал Самир на прощание и уехал.

— Ферзь… ты как, дружище? – забрав у меня из рук обратно маленькую дорожную сумку, спросил Артём. В ответ я непонятным движением лишь шевельнул головой.

— Нам надо пройти вдоль улицы, до дома с синим забором, — с трудом произнёс я, мотнув головой в нужное направление.

— Идём тогда, пока никого не встретили, — сказал Артём и зашагал впереди, а я пошёл следом за ним.

Шаг за шагом я приближался к дому, а в голове начинался хаос от множества мыслей: «Что они скажут, увидев меня? Как они меня встретят? Узнают ли? Что скажет дедушка? Сильно ли разозлится?..» Все эти вопросы терзали меня, а мои руки дрожали от волнения. Ещё никогда раньше мне не было так холодно, было ощущение, что меня погружают в ванну со льдом.

— Вот моя школа, — произнёс тихо я вслед Артёму, чтобы хоть как-то отвлечь самого себя. — Я тут учился… А вот мой дом, — я остановился у ворот своего дома.

От растерянности я не знал, войти мне или сначала постучать. Кто я сейчас в этом доме спустя пятнадцать лет отсутствия? Ужас брал надо мной верх, точно такой же ужас,

что в то утро, когда я нашёл отца. Войдя во двор, в тот самый проклятый день моей жизни, я не смог произнести ни слова и упал перед бабушкой Салби на колени, я задыхался собственными слезами, не зная, как сказать, что я нашёл отца мёртвым. Я застрял в том самом злополучном дне. Даже спустя столько лет я не смог оставить этот день в прошлом, я всё так же остался тем самым пятнадцатилетним Фаридом, мир которого разрушился на тысячи осколков. Я тот самый ребёнок, которому пришлось повзрослеть за один день. Увидев мою нерешительность, Артём поставил сумки на лавочку и присел, дав мне возможность собраться духом.

— Элона, вынеси подносы, вода уже кипит! – донёсся голос бабушки по ту сторону ворот.

Собравшись с мыслями, я сделал глубокий вдох, выдох и дважды постучал. Спустя минуту дверь ворот открыла невысокая девушка с каштановыми волосами, маленького роста и хрупкого телосложения, чуть старше Наиля. Она чем-то была похожа на Элону: такой же нос картошкой, пухлые щёчки, большие глаза, но цвет глаз был как у дедушки Сафара — медово-карие.

— Салам, вам кого? — спросила девушка у меня, поправляя волосы за ухо. Для меня её вопрос прозвучал как удар в челюсть. Не зная, что ответить ей, я смотрел ей в глаза в панике.

— Салам… — произнёс я. — Я… я…

— Вы! Кто вы? — не понимая моего состояния, спросила

она, недовольно нахмурив брови.

— Мелиса, дочка, Сафар пришёл? — послышался голос бабушки позади девушки.

— Нет, бабушка, тут два каких-то парня.

— Парни? Что за парни? — спросив, бабушка показалась передо мной.

При виде меня она поменялась в лице, словно перед ней был призрак. Увидев её, я сам онемел окончательно, горло сжало тисками. Мне захотелось словно ребёнку подбежать к ней, прижаться, как в детстве. Невольно к моим глазам проступили слёзы, и я с трудом их сдерживал.

— Это сон? — не отрывая от меня взгляда, спросила меня бабушка Салби, и я с большим трудом в ответ лишь покачал головой. — Мой мальчик, — с грустью выдохнув, бабушка прижала свои руки к груди.

Медленно, с осторожностью, словно я мог быть миражом, который может вмиг исчезнуть, она шагнула ко мне. Шагнув к ней навстречу, я вошёл во двор.

— Мой мальчик, мой родной! Неужели это правда ты? — от её слов я лишь опустил голову. — О Аллах, неужели это и вправду ты?! — со слезами на глазах она прижалась к моей груди, в ответ я крепко её обнял. Уткнувшись в её волосы, я почувствовал до боли родной аромат её любимых духов, ради которых мы с Озаном как-то сбежали в Гянджу, чтобы найти эти духи, когда те закончились.

— Бабушка, это кто? — в полном непонимании спросила

девушка, что открыла дверь, смотря на нас.

— Глупышка, как это кто? Он моё дыхание, он вся моя жизнь, он радость моей жизни, — слова бабушки словно лезвие прорезали мою душу. — Мой Фарид, он — мой Фарид. Мой Фарид вернулся домой!

Услышав моё имя, девушка удивилась, разинув рот, и растерянность быстро сменилась на её лице радостью.

— Элона, брат приехал! — с радостью закричала девушка. — Брат Фа…

— Тихо! — резко остановил её Артём. — Не произноси его имя, пожалуйста!

В ответ Артёму она, осознав ситуацию, лишь кивнула головой, согласившись. И тут я вспомнил её, это моя вечно ноющая двоюродная сестра, та самая Мелиса, дочка старшей сестры отца. В детстве она носила очки, за что её дразнили, а она, обиженная, в слезах бежала к бабушке Салби жаловаться. — Что ты орала? — выйдя из дома с Милой, спросила Элона.

— Фарид?! — увидев меня, замерла моя сестра.

— Дядя! — завопила позади неё Мила. — Получилось! Ты приехал! — закричала Мила, но резко закрыла рот руками. Было уже поздно, и Элона чётко слышала её слова, и поняла, что мой приезд произошёл не без участия её дочери.

— Что значит получилось?! — со свирепым взглядом спросила у неё Элона.

— Мамочка, ты только не злись, пожалуйста, — сказала

Мила и шагнула на шаг от Элоны. Мила рассказала матери о своём грандиозном плане привезти меня сюда, который удачно сработал. Отцепившись от бабушки, я вытер слёзы с её лица.

— Не плачь, пожалуйста, — успокоившись, произнёс я.

— Убирайся вон с моих глаз, маленькая мерзавка! — словно сигнализация, заорала моя сестра на Милу. — Я с тобой потом разберусь. Эта выходка тебе дорого обойдётся, подожди только. Артём, зайди, закрой дверь, а то соседи увидят сейчас, и через пять минут вся деревня узнает о вашем приезде.

Не успел Артём подойти, чтобы закрыть калитку ворот, как на пороге появился лысый полноватый старик лет семидесяти, ростом чуть ниже Артёма. На нём были очки.

— Доброе утро, — сказал Артём на русском, зная, что дед его поймёт, и уверенно протянул ему руку, чтобы поздороваться.

— Доброе утро, уважаемый, а вы кто? — пожав руку Артёма, спросил дедушка Сафар.

— Я друг вашего внука, Артём, — добродушно ответил Артём и забрал с рук деда пакет. Со стороны это выглядело так, словно Артём всю жизнь его знал. Если кому-то сейчас сказать, что мы с Артёмом головорезы, то никто бы не поверил.

— Очень приятно, Артём! А какого именно внука? — спросил дедушка и тут же обратил внимание на бабушку,

которая была вся в слезах. На миг в его глазах появилась ярость, но он увидел меня. Не дав волю своему страху, я набрался смелости и шагнул к нему. Больше всего дедушка Сафар ненавидел мужскую трусость. Подойдя к нему, я увидел в глазах радость, на которую даже не смел рассчитывать.

— Я… я приехал, дедушка, — протянул ему руку, чтобы поздороваться. Недолго думая, пожав мою руку в ответ, дедушка крепко обнял меня, от чего я почувствовал, что я до сих пор часть этой семьи.

— С приездом, мой родной, с приездом домой, — от его слов я обнял его ещё крепче. Казалось, что спустя столько лет меня снова обнял отец.

Глава 3
Ада

Вы замечали, насколько много линий на наших ладонях? Насколько сильно эти линии запутаны между собой? Каждая линия — тот или иной момент нашей жизни. Знала бы я, какая из этих линий повлияла на мою судьбу, изменив всё вдоль секунды, все ладони себе прожгла, лишь бы избежать того зверства, что со мной произойдёт. Но судьбу, как и семью, увы, не выбирают. Я смело могу заявить, что моей жизни завидуют многие девушки моего окружения, мечтают быть на моём месте, их можно даже понять. Мне грех жаловаться, ведь у меня большой дом, богатая, знатная семья, я родилась и выросла в роскоши. Но у каждой медали есть и другая сторона.

Ранним утром меня разбудил своим звонком Рустам, весьма спокойным тоном он поставил меня перед фактом, что на нашу ночь хны он не приедет. Видите ли, у него срочные дела по бизнесу в Турции.

— Разве твои дела важнее моей церемонии хны? — еле сдерживая эмоции, спросила я, валяясь на кровати.

— Это всего лишь ночь хны, а не сама свадьба, — безразлично произнес Рустам в ответ.

— Да не приезжай! Подумаешь, ночь хны, а через два дня

свадьба, можешь и на свадьбу не приезжать, обойдёмся без присутствия жениха. Проорав Рустаму в трубку, от злости я выключила телефон и швырнула его на пол. Собравшись, вся полыхая от злости, я спустилась в зал на первом этаже дома.

В гостиной моя мама вместе с нашей помощницей Рейхан размещала огромные подарочные коробки.

— Доброе утро, — обратилась я к ним.

— Доброе утро, спящая красавица, — произнесла в ответ тётя Рейхан. Рейхан работает в нашей семье задолго до рождения даже моего старшего брата, поэтому она полноценный член нашей семьи. Мой старший брат к ней обращается тётя Рейхан, я же ласково обращаюсь всегда Рейханым (моя Рейхан). Мне нравилось к ней так обращаться, потому что она вызывала своим видом ассоциацию с феей, той самой голубой феечкой из «Спящей красавицы». Такая же маленькая ростом, пухленькая, с аккуратным пучком, в котором переплетались каштановые волосы с сединой, маленький острый носик, жемчужные глазки, что горели теплом.

— Ада, смотри, сколько всего тебе прислала мама Рустама. Она звонила, сказала, завтра сама привезёт твой наряд для хны, — сказала моя мама на радостной ноте, расставляя огромные, яркие коробки, украшенные жемчугами и ленточками.

— Видишь, Ада, как тебе со свекровью повезло, машаллах, не сглазить, — добавила Рейхан, трижды постучав об стол костяшками пальцев.

— Ну да, любит пока, посмотрим на неё потом. Главное, чтобы вся эта показуха не закончилась после свадьбы. А то окажется ведьмой вроде нашей бабушки. И вообще, всё это она делает не ради меня, а чтобы показать ценность своего сыночка, — сказала я как отрезала. Особой вежливостью я никогда не страдала, особенно в высказывании своего мнения, за что, между прочим, и получала.

— Что опять взбесило моего чертёнка с утра пораньше? — из последних сил мама проявляла терпение ко мне и моим перепадам настроения в последние дни. Мама никогда не била меня, как бы я сильно ни капризничала, для этого дела у нас дома была бабушка.

— То, что твой любимый зять не соизволит приехать на церемонию хны, видишь ли, дела и бизнес важнее меня! Как, между прочим, всегда, кольцо я покупала без него, наряд выбирала без него, подготовка к свадьбе — что там без него, даже без моих предпочтений и права выбора! Словно свадьба не моя с Рустамом, а его мамы! — словно ребёнок, я изливала душу, а мама и Рейхан в ответ лишь улыбнулись.

— Рустам — единственный ребёнок в семье, вот его мама и занимается всем, чтобы всё было в лучшем виде. Свадьба же лишь раз бывает, — ответила моя мама.

— Вот именно! Лишь раз! Мне что, развестись и во второй раз выйти замуж, чтобы всё самой выбирать?!

— Упаси Аллах, Ада! — панично произнесла Рейхан.

— И вообще, знаете, что не нужны мне их жалкие подар-

ки! Я даже визажиста не могу сама выбрать! Не хочу ничего! Надеюсь, он вообще не сможет приехать!

— Ну ничего страшного, обычно мужчины не присутствуют на церемонии нанесения хны невесте, — добавила Рейхан. По мнению моей мамы и Рейхан, Рустам святой человек, раз, несмотря на мой мерзкий характер, готов жениться на мне и прожить со мной всю свою жизнь. Он, бедолага, любит меня настолько, что готов пожертвовать собой и своей спокойной жизнью. Ну да, ведь, по мнению бабушки, я ведьма, которую на костре даже сжечь мало.

— А мне не нужна обычная хна! Я хочу, чтобы он хотя бы в эту ночь был рядом со мной, а он что там рядом, он даже не приедет, и вообще не хочу никакую хну, отменяйте всё!

— Поверь мне, после свадьбы он каждый день будет рядом с тобой, надоест тебе так, что будешь ждать, когда он куда-нибудь уже уйдёт хотя бы на день. Мамины слова разозлили меня ещё больше.

— Отменяйте всё, я сказала! Возвращайте все их эти безвкусные подарки им обратно! Не хочу ни её подарки, ни её сынка! Завопив, я выскочила из дома. Мама что-то сказала мне вслед, но я даже слушать её не стала. Конечно, никто ничего отменять не станет из-за моей очередной истерики. В нашем доме мои крики и недовольство были на постоянной основе, поэтому на них уже даже никто не реагировал, никто, кроме моей «любимой» бабушки.

— Ада, ты куда собралась в такую рань? О Аллах, послал

же ты это проклятие в наш дом, — спросила меня бабушка, когда я уже выходила с нашего двора дома. Проклятием она имела в виду меня.

— В ад! Так и передайте всем, кто приедет на хну. Невеста ушла в ад вслед за женихом, нас не будет поэтому тут.

— Такой мерзавке, как ты, в аду и самое место! Смотрите на её поведение, на её длинный язык! От такой матери лишь такая дочь могла родиться, — завопила бабушка, словно сломанное радио.

— Ну да, все мы плохие! Только ты у нас хорошая, вот только сколько же у тебя грехов, что мы тебе такие достались?! — сказав, я вышла за ворота.

— А ну, вернись обратно, невоспитанная сучье отродье! Я с твоей головы все волосы вырву! Захлопнув за собой дверь ворот, я поспешно отдалилась от дома, ещё бы я слушала эту старую змею. Моя бабушка, то есть мать моего отца, весьма жестокая женщина, её коварству и агрессивности позавидовал бы даже сам дьявол. По словам мамы, она просто старая, ворчливая женщина. По мне, бабушка всего лишь обиженная судьбой глупая старуха, что срывается на нас, чтобы самоутвердиться, ведь её никогда не любили. Она ведь страдала и мы должны.

Увы, бабушка в жизни не особо страдала, на самом деле всё куда проще, чужие страдания приносят моей бабушке удовольствие. Наше счастье она никогда не переваривала, в особенности моей мамы, при каждой возможности она при-

нижала мою маму, настраивала брата против неё. Вообще наша семья особой дружелюбностью и любовью не отличалась. Семья у нас небольшая, в ней я, мама, старший брат, Рейханым и, увы, ещё живая бабушка. Вообще, я убеждена, что она сначала нас всех похоронит, и только после умрёт. Кроме нас с нами ещё живет бабушкин внук Кямран.

Какая бабка такого внука и воспитала, Кямран — отброс человеческого рода, большего подонка я в своей жизни не встречала, хуже Кямрана лишь бабушка. Много лет назад младшая дочь бабушки, то есть моя тётя Сона, вышла замуж, и в этом браке у неё родился Кямран. После его рождения почему-то муж Соны развёлся с ней. Для бабушки женщина в принципе не человек, а разведёнка — вовсе протухший, второсортный товар. Спустя месяц после развода бабушка отняла шестилетнего Кямрана у тёти и выдала тётю замуж против её воли за богатого старика с Магадана, который был старше тёти на двадцать лет. Конечно, новому мужу тёти Кямран и не нужен был, вот бабушка его и оставила у нас. Кямрану повезло лишь в одном, что он парень. Родился бы он девушкой, бабушка продала бы его, выдав замуж за богача, сразу как достиг бы нужной зрелости.

О тёте со дня, как она уехала с мужем, ничего не известно было. За все эти годы она ни разу не позвонила ни нам, ни Кямрану. Несмотря на несчастливую участь Кямрана, никто дома не любил, он в принципе никому не нравился, кроме моей бабушки и моего старшего брата. При них он всегда ти-

хий, вежливый, прям идеальный. Но стоит моему брату уйти из дома или пропасть с поля видимости, Кямран показывает своё истинное лицо. Он никогда не уважал Рейханым, относится к ней как к прислуге, а Рейхан ведь его вырастила фактически. Мою маму он тоже ставит ниже себя, хотя мама так же к нему относилась, как и Рейхан, они жалели его, когда он был маленький, старались окружить его любовью.

Мне же он… когда мне исполнилось шестнадцать лет, Кямран поставил меня перед фактом, что он любит меня, но никак брат. Его слова сначала меня лишь рассмешили, но, когда он начал запрещать местным ребятам проявляться ко мне, ухаживать, меня его поступки начали злить. Я рассказала всё тогда маме. Мама, естественно, указала Кямрану на его место, но он не понял, тогда вмешался брат, сильно избив за мысль даже обо мне. С тех пор всё, слава богу, забылось, и у него даже появилась девушка.

Когда семья Рустама пришла ко мне свататься, Кямран был единственным, кто был против, видите ли, ему не нравится Рустам, хотя он сам даже пыли под ногами Рустама не стоит.

Рустам, в отличие от Кямрана, достойный парень, из приличной и обеспеченной семьи. Его отец — владелец крупной строительной компании в Баку, мама Рустама Лейла ханым — главврач косметологической клиники, основательница благотворительного фонда, который помогает детским домам. А Рустам помимо отцовского бизнеса владеет своим

автосалоном.

Одним словом, моя будущая семья куда богаче моей, это и является причиной, почему бабушка согласилась на наш брак. Но самое главное отличие между нашими семьями, помимо финансового положения, это то, что семья Рустама дружнее нас, в его семье есть любовь и взаимоуважение друг к другу. А у нас зато есть нахлебник Кямранушка и злобная бабушка, которая похоронит нас всех и проживёт после ещё лет сто счастливой жизнью. Таким тоже не каждый может похвастаться.

По пути на кладбище я встретила девочку лет около шести-семи, она бродила, кого-то высматривая, оглядываясь. Я никогда раньше её не встречала, деревня у нас небольшая, поэтому мы все друг друга знаем, именно поэтому моё любопытство взяло верх надо мной, и я решила познакомиться с ней.

— Потеряла что-то? – спросила я, от чего у девочки взгляд стал более потерянным.

— Что ты молчишь? Тебя как зовут? – после моих вопросов она еле сдерживалась, чтобы не заплакать, но на её глаза навернулись слёзы. Не выдержав, она села на корточки, закрыла лицо руками и заплакала тихонько.

—Ну ты чего? Немая, что ли?.. — спросила я, тоже присев на корточки, что в платье не особо удобно.

— Тётя, я тебя не понимаю… — произнесла она заплаканным голосом на русском языке.

— Тётя?! Да какая я тётя? Мне 20 только весной исполнилось, — возмутилась я в ответ тоже на русском языке, от чего она очень удивлённо посмотрела на меня. — Сказала бы сразу, что не понимаешь азербайджанский, а то я сотрясаю тут зря воздух своими вопросами.

— Ну я ведь не знала, что ты понимаешь, вон у меня Мелиса вообще не понимает, прабабушка понимает, но не говорит, зато прадедушка хорошо говорит, — бормотала она, захлёбываясь собственными слезами.

— А ну, притормози, не смей меня сравнивать с местными, я без пары дней бакинка, муж, точнее жених, у меня бакинец. И вообще я свободно говорю на трёх языках, так что не надо мне тут из меня деревенщину делать. Так как тебя зовут? Ты чья такая? И что искала?

— Мама говорит, с незнакомцами нельзя разговаривать.

— Вот ты даёшь! Так я и спрашиваю, как тебя зовут, чтобы познакомиться. Меня Ада зовут, а тебя?

— Мила, — неуверенно произнесла она.

— Мила? — переспросила я.

— Мелек, но называют Мила, — уточнила девочка.

— А ну, тогда понятно, очень приятно, Мила. Так чья ты дочка, Мила?

—Мамина и папина, — воодушевлённо произнесла она.

— Ну понятно, что не соседа! Где твои мама и папа? Почему ты тут одна ходишь?

— Я вышла погулять, пока мама злится на меня, потом

заблудилась.

— Дай угадаю, а где твой дом, ты не знаешь, конечно же. Ничего не ответив, Мила лишь покачала головой и во весь голос заплакала, уже смело не скрывая страха.

— Так, а ну не реви! Ты везучая, тебе сам Аллах меня послал. Я эту деревню знаю как свои пять пальцев. Как я понимаю, твои родители не местные, они сюда скорее к своим родителям приехали, правильно?

— И да и нет, — чуть задумавшись, произнесла она, вытирая слёзы.

— Как это и да и нет?

— У мамы только её бабушка и дедушка.

— А где её мама и папа?

— Они звёздочками стали на небе. Увы, порой у моей бестактности не бывает границ. От её слов мой азарт и злость на Рустама немного утихли.

Я помню день, когда мама пыталась мне объяснить, почему папа не приходит домой. Каждый раз, когда я открывала рот на тему отца, бабушка избивала меня. Эта тема, что там в нашем доме, во всей деревне была под запретом на семи печатях.

Бабушка всегда была жестокой в наказаниях, если Кямрана она просто наказывала, меня она избивала… сильно избивала. Каждый раз после её побоев я думала, что, если бы отец был с нами, то она не посмела бы меня даже пальцем тронуть. Отца я не помню, я воссоздала его образ из расска-

зов и своих неясных воспоминаний. Мои ли это воспоминания, достоверные или лишь игра моей фантазии, я не знала.

Конечно, я любима мамой, старшим братом, Рейханым, но я дочь, не познавшая любовь отца, это моя глубокая рана. Все мужчины хотят сыновей, но дочерей они всегда больше любят, всё детство я жила, завидуя своим подругам, у которых была отцовская любовь. Наверно, отец меня любил бы больше жизни, как у других девочек. — Ада, ты чего расстроилась? — смотря на меня с вверху вниз своими медово-карими глазами, спросила Мила.

— Мой папа тоже звёздочкой стал на небе, поэтому я немного задумалась, прости меня. Давай найдём твой дом, а после я пойду на всех ему пожалуюсь. Что-то привычно тяжёлое надавило на грудь.

— А то видишь, совсем все страх потеряли, я тут словно шутка какая-то, – поднявшись, притворно весёлым тоном снова начала я, пряча свои глаза.

— У моей мамы есть бабушка и дедушка, а недалеко от них живут папа и мама моего папы.

— О, вот отлично, и как их зовут?

— Бабушка и дедушка.

— Я забыла.

— Хотя на что я надеялась.

— Не злись, они старенькие, я их постоянно зову бабушка и дедушка, вот и забыла имена.

— Ну да, на что я хоть надеюсь.

— Но все они живут около школы.

— Школы?

— Да, мы все там, где недалеко школа.

— Ну пойдём тогда к школе, там семей десять где-то, но и ладно, кто-то по-любому знает твоих. Так что пошли.

Взяв Милу за руку, я шла с ней вниз по дороге. Пока мы шли, Мила рассказала мне про своих родителей, что они живут в Москве, мама у неё доктор, папа магазин купил. Про ситуацию со своим дядей, как она обманом его привезла сюда, и как мама её наказала сильно за обман, ведь дяде нельзя было сюда приезжать.

— А почему твоему дяде нельзя сюда приезжать? — поинтересовалась я.

— Не знаю, но самое главное, он приехал, значит, я выиграла спор, — пожав плечами, Мила задорно улыбнулась, словно совершила какой-то подвиг.

— Но мне пришлось уйти погулять, чтобы мама перестала злиться. Малявка сломала мне всю систему, обычно я много болтаю, а тут камешек встретился со скалой. Она всю дорогу болтала без остановки, а я лишь слушала, мечтая быстрее найти её дом, избавиться от неё. Порой я перебивала её, показывая на дом, надеясь, что это именно тот дом. На самом деле мы были еще далеко от школы, но я делала это, чтобы хотя бы на секунду её заткнуть.

Шли мы с Милой минут десять, как вдруг она замолчала, увидев какого-то высокого мужчину лет тридцати. — Ар-

тём! Артём, я здесь! – подняв руку, завопила Мила на всю улицу. При виде Милы он подбежал к нам, взволнованный вид быстро сменился на спокойный, на его лице появилась улыбка. Внешне парень очень красив, высокий, спортивный, русые волосы, слишком опрятный, часы на его запястье так и орали о его финансовом положении.

— Мила, твоя мама нам всем уши отрежет, если узнает, что ты убежала, — приятным голосом обратился он к Миле, присев на корточки, осмотрел, проверяя, не упала, не поранилась ли она, даже не заметив меня.

— Артём, я вышла походить и заблудилась, но встретила Аду, она со мной искала наш дом. Артём, представляешь, она крутая, знает русский язык. После слов Милы он встал, выпрямился.

— Здравствуйте, простите, увидев Милу, забыл поздороваться. Я Артём, — весьма приятным тоном представился он. Он явно из того типа мужчин, по которым женщины сходят с ума.

— Здравствуйте, Ада, — растерявшись от его вежливости, ответила робко я, увидев жителей домов.

— Это твой папа? — спросила я у Милы.

— Нет, моего папу Рашад зовут, а это Артём, он друг моего дяди Фа…

— Она моя племянница, мы одна семья. Я дружу и работаю с её дядей, — перебив Милу, ответил Артём. — Спасибо, что сопроводили её, дальше мы сами дойдём. Я ваш

должник, — с подозрительной улыбкой добавил он. Его вежливость и вся эта опрятность показались мне странными, вроде он нормальный, но слишком правильный и взгляд словно у маньяка. Взяв Милу за руку, он повернулся, шагнул вперёд, собравшись уйти.

— А ну, пусти ребёнка! – напряжённо ответила я, взяв Милу за другую руку.

— Что, прости? – в полном непонимании спросил он.

— Отпусти ребёнка, говорю, откуда мне знать, кто ты ей такой. Ты ей ни отец, ни дядя, вы даже не родственники, мало ли, ты маньяк какой-то, я отдам её только её родным.

— Маньяк? Я разве похож на маньяка?

— Ну да, на вид правильный весь, а взгляд как у маньяка, да и слишком вежливый, правильный. В фильмах такие убивают людей, может, ты тоже убиваешь. Хотя неправильно говорить тебе такое в лицо, ты же на меня потом озлобишься, если окажусь права, — предъявила я ему свои мысли зачем-то в лицо. К моему удивлению, он не расстроился, не стал оправдываться, а от услышанного как-то весьма довольно улыбнулся широко.

— Так зачем тебе себя так утруждать, я отведу её домой к её родным, наверно… — сказав, он сдерживал смех.

— Ада, а кто такой маньяк? — тихо спросила меня Мила.

— Это дяденьки, похожие на него, — ответив, я показала на него. Держа Милу за руку, я зашагала вперёд, пройдя метров пять, осознала, что Артём стоит на месте, не идёт за

нами.

— А чего ты встал там? — обернувшись, спросила я его.

— Идём, покажешь её дом. Удивлённо улыбнувшись, он последовал за нами. Быстро дошагнув до нас, он шёл рядом, довольно улыбаясь.

— Чего ты так улыбаешься? — возмущённо спросила я.

— Странная ты, назвала маньяком и при этом просишь пойти с вами показать дом.

— А если я ошибаюсь, я ведь человек, имею право ошибаться. А так, если вдруг я права, сдам тебя её отцу, тот тебе все кости пересчитает, — от моих слов он лишь еле сдержал смех. – Что ты смеёшься? Нравится рекламировать свои белые зубы? – раздражённая его весельем, спросила я, остановившись.

— Да просто, никогда не понимал детей, но нахожу вас забавными.

— Чего?! Я что, по-твоему, ребёнок?! Мне, чтобы ты знал двадцать лет, у меня завтра церемония хны! А через два дня я замуж выйду! Ишь ты, ребёнка во мне увидел! Вот тебе сколько лет?!

— Всего лишь тридцать четыре, – ответил Артём, скрестив руки на груди.

— Кошмар! Ты такой старый, что там Миле ты даже мне в дяди годишься, – прикрыв рот рукой, удивилась я, поскольку на свой возраст он не выглядел, ему можно было дать лет тридцать максимум, если не меньше. Мои слова добили его,

и он громко засмеялся, на маньяка он не был похож на самом деле. Скорее он взрослый ребёнок с озорным характером, этакий весельчак.

Мы дошли до начала улицы, что вела к школе, где я когда-то училась. За поворотом на улицу показался парень, при виде которого Мила вырвала свою руку из моей и помчалась к нему.

— Дядя! — кричала она радостно. Увидев Милу, он спокойно пошёл к ней навстречу. Когда она добежала к нему, он подхватил Милу на руки, прижал к себе, крепко обняв. От увиденного я замерла на месте, со стороны, даже на дистанции, казалось, что его объятия — самое безопасное место. На секунду меня накрыла зависть, меня никто так никогда не обнимал, брат, конечно, меня любит, как и мой дядя Тимур, мамин брат, но никто из них никогда меня так не обнимал. Артём стоял рядом со мной и внимательно смотрел на мою реакцию, и без своих пяти копеек не обошёлся.

— Это брат её мамы, вот он маньяк на всю голову, поверь мне, и у меня есть подозрение, что он съедает людей, – нагнувшись слегка ко мне, тихо произнёс он, словно нас кто-то услышит, ехидно при этом улыбаясь. Держа Милу на руках, парень, одетый во всё чёрное, подошёл к нам. На нём была рубашка с закатанными рукавами и брюки. Чем ближе он подходил, тем более странно менялась атмосфера. Он не пугал внешне, наоборот, привлекал. Если Артём добрым весельчаком кажется, то этот нет, в нём какая-то другая энер-

гия, более спокойная, непривычное чувство безопасности рядом с ним накрывало. В отличие от Артёма, этот — видно, что чисто азербайджанец. Ростом плюс-минус как Артём, чуть худее него, густые чёрные волосы, лёгкая смуглость, карие глаза, острые скулы, но его глаза… смутно очень, он словно кого-то напомнил.

Когда он подошёл к нам ближе, я поймала себя на мысли, что он красив. На виске, у конца брови, у него был слегка заметный шрам, но даже это не портило его внешность. Если Артём выглядел как герой с экрана, этот парень выглядел очень мужественно. По одежде ничего нельзя о нём сказать, скромно, но со вкусом, но часы на его запястье весьма нескромные, как у Артёма, но у этого ещё было кольцо на среднем пальце правой руки, серебряное кольцо.

— Салам, – произнёс он, встретившись со мной взглядом. — Где ты её нашёл? — спросил он у Артёма, переведя взгляд на него.

— Не я, а вот эта смелая девушка нашла Милу и проводила, заявила, что я похож на маньяка, и передаст ребёнка только родителям. Кстати, Фуад, эта Ада, Ада — это Фуад, мой друг, и он преемник главы мафии, — улыбаясь словно псих, представил меня Артём, от чего я невольно смутилась.

— Боюсь представить, какие железные нервы у твоей жены, — подметила я, посмотрев на Артёма.

— Я не женат, слава Богу.

— Ада, простите за его юмор, спасибо, что потратили вре-

мя и помогли, — сухо сказав, он собрался уйти, держа Милу на руках.

— Постойте, вы так вот уйдёте? — обратилась я к нему. Обернувшись, он странно посмотрел на меня.

— А, понял, сейчас, — сказав, Фуад, опустил Милу на землю, достал из кармана брюк купюру в 50 манат, подойдя ко мне, протянул мне.

— Держите, спасибо, что помогли, купите себе сладости. Обратилась я к нему, чтобы попрощаться с Милой, но его этот поступок для меня словно пощёчина по лицу. С утра меня разозлил Рустам, затем слова бабушки, а долил бензин в горящий костёр этот идиот. Злая как чёрт, я взяла эту купюру, смяла в кулаке и швырнула ему в лицо со словами: — Ты что, во мне попрошайку увидел, что ли? Я в твоих копейках не нуждаюсь, если захочу, могу таких, как ты, обеспечить! Прислуга в моём доме получает больше, чем ты стоишь! Невоспитанный идиот! Тебя дома учили так вести себя с девушкой? Артём сказал же тебе, отдам ребёнка родителям, вот и отдам родителям. Ты вообще на второсортного бандита похож, — заявила я. — Мила, подойди ко мне, пожалуйста, — сказав, я протянула ей руку, смотря на Фуада. Мила сразу подошла ко мне, встала рядом, взяв меня за руку. Я только сделала шаг вперёд, как Фуад схватил меня за локоть.

— В отличие от тебя меня воспитывали и учили, что с девушкой нужно быть вежливым. Твоё счастье, что ты не па-

рень, иначе…

— Иначе что? — перебив его, я сделала шаг вперёд к нему, отчего оказалась с ним настолько близко, что приятный аромат его парфюма окружил меня. От него чувствовался древесно-свежий аромат с ноткой табака, сразу ясно, что человек курит, но даже это дурманило. Увы, с моим ростом 162 сантиметра я заканчивалася на уровне его шеи, из-за чего мне приходилось смотреть на него снизу вверх, но моя смелость и дерзость явно были выше него.

— Фуад, отпусти её! — вмешался Артём. — Ты чего, друг? Она же ребёнок. — пытаясь разрядить между нами обстановку, Артём сделал хуже.

— Я не ребёнок! – посмотрев злобно на Артёма, сказала я. — А то, что ты схватил меня за руку, говорит лишь о твоём воспитании! И поверь мне, тебе этот поступок может обойтись ценой в твою голову, ты не захочешь знать, кто мой жених, твой труп даже искать не станут! От моих слов на его лице появилась непонятная мне насмешка.

— Кто бы он ни был, мне его искренне жаль, ему стоит обратиться к психиатру, если он добровольно решил на тебе жениться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.